№ 46 DIELO TROUDA-PROBUZHDENIE Цена 25 сентов

ДЕЛО ТРУДА
ПРОБУЖДЕНИЕ

ОРГАН ОБЪЕДИНЕННОЙ ФЕДЕРАЦИИ
РУССКИХ РАБОЧИХ ОРГАНИЗАЦИЙ США И КАНАДЫ

АВГУСТ-ДЕКАБРЬ 1954 г.

DIELO TROUDA-PROBUZHDENIE
P. O. Box 54, Cooper Station
New York 3, N. Y.

30-й год издания

ВЫХОД ИЗ ТУПИКА

Стало почти обычным утверждение, что мир зашел в тупик и что человечество очутилось перед неразрешимыми проблемами. А между тем неразрешимых проблем в социальном смысле нет. Неразрешимость может быть лишь там, где действуют могучие силы природы, как, например, землетрясения, бури, наводнения и т. д. Здесь мы бессильны, ибо не можем закупорить отверстие вулкана, остановить колебания почвы, увеличить или уменьшить силу ветра, но все социальные проблемы очень легко могут быть разрешены. Для этого требуется лишь одно условие — *честность.* Где честность, там нет никаких затруднений. Вся беда в наше время именно в том и заключается, что о честности мало кто думает. По крайней мере, о ней не думают те, кто занят разрешением социальных проблем.

В истекающем году не было недостатка в международных конференциях. Кормчие государственных кораблей собирались в разных городах. Совещания продолжались неделями, иногда месяцами (в Женеве), а результат все тот же — тупик. Никаких существенных достижений не оказалось, потому что каждый из участников совещаний отправлялся на заседание приблизительно с таким рассчетом, с каким картежник садится за игру — *выиграть.* А где выигрыш, там и проигрыш. Это естественно и неизбежно: одна сторона выигрывает, а другая проигрывает. Но обе стороны одновременно выиграть не могут.

"Или мы их, или они нас" — говорит один из героев "Чапаева." Этой "заповеди" большевики всегда придерживались и придерживаются до сих пор. Им постепенно начинают подражать и те, кто вступил с ними в единоборство. Еще недавно в Вашингтоне мало интересовались судьбой Китая, а теперь, когда от Китая остались "рожки да ножки," американские государственные деятели часто заявляют, что большевики не получат больше ни пяди китайской территории и что, если они вздумают атаковать Формозу, им придется считаться с американским флотом. Одним словом, "или они нас, или мы их," но без драки—ни малейших уступок. Конечно, большевики не заслуживают никаких поблажек или уступок, но после отдачи континентального Китая ревностная защита нескольких островов напоминает плач по волосам с отрубленной головы. Логика и здравый смысл говорят, что нужно было защищаться, когда была голова на плечах, а когда последняя покатилась, — по волосам не плачут. Но политическая игра, кажется, только тем и славится, что в ней отсутствует смысл. Вчера уничтожали военную мощь Германии и Японии, а сегодня носятся с проектами о создании сильной Германии и Японии. Разве в этом есть какой-либо смысл? Политический барометр во многих отношениях подо-

бен флюгеру: сегодня показывает в одну сторону, а завтра в другую. Все зависит от случайностей и от того, откуда "ветер" дует в головах политических деятелей.

Мировые политические перипетии обусловлены многими причинами, но самая главная из них — борьба за господство, называемое *империализмом,* который бывает разных видов и форм. Тот, например, империализм, выразителем которого был Гитлер, не похож на империализм большевиков, а большевистский империализм не похож на империализм буржуазных государств. Гитлер стремился к тому, чтобы сделать Германию самой сильной и чтобы немцы господствовали над всеми народами. Большевики стремятся, чтобы во всех столицах было такое правительство, как в Москве, а капиталисты мечтают об извлечении наибольших материальных выгод. В соответствии с устремлениями империализм может быть национальный, идеологически-партийный и финансовый. Национальный империализм в настоящее время почти бездействует, потому что нет для этого благоприятных условий, а два последних империализма стоят в воинственных позах. Москва прилагает все усилия на то, чтобы выставить американцев в плохом виде; американцы отплачивают тем же.

Состязаться американцам с большевиками в области пропаганды — вещь немыслимая, потому что большевики представляют собой всё — и правительство, и страну, и государство, и население. Кроме них, никто теперь не говорит и не действует от имени России. С американской стороны подобной "монолитности" нет: американские власти действуют лишь в сфере дипломатии, а деловая область остается в руках частных лиц. Последние в эксплуатации туземцев заходят иногда так далеко, что фактически помогают большевикам, а не своему правительству. Трудно сказать, кто больше способствует антиамериканским настроениям в странах латинской Америки — большевики или американские дельцы. По заявлению вполне осведомленных лиц, 90% населения Японии настроены против США. На недавних выборах в Восточном Бенгале победителями вышли лица, стоявшие на антиамериканской платформе. Так как эта провинция входит в состав Пакистана, который связан известным договором с США, то выборы были объявлены недействительными, что только усилило антиамериканские настроения. Нечто аналогичное произошло и в Гватемале, где переворот, о котором так много писалось, был задуман и в значительной степени приведен в исполнение при помощи канцелярии посла США — Э. Пюрифоя. Этот переворот, вернувший "Юнайтед Фрут Ко" ее владения, оказался для США Пирровой победой.

Конечно, не лучше поступили бы и большевики, если бы им представилась возможность захватить власть. Но если смотреть на большевиков и делать то, что они делают, то в конце концов получится *не отрицание, а утверждение большевизма* и всех его принципов. Большевики с полным основанием могут сказать: "Мы поступили плохо, но и вы поступаете точно так же: мы с вами — квиты." Именно в таком смысле — в смысле равнения на большевиков — может быть истолкован недавно принятый в Вашингтоне антибольшевистский закон. Борьба с большевизмом при помощи большевистских мероприятий — самая безнадежная, т. к. для успешной борьбы с большевизмом нужны не репрессии, а упразднение всех тех отрицательных сторон жизни, на почве которых развивается большевизм.

Из опыта мы знаем, что огромное большинство населения земного шара живет в ужасных условиях. Жизненный уровень народов Азии, Африки, некоторых частей Европы и многих стран Центральной и Южной Америки — ниже среднего. С другой стороны, в некоторых странах разыгрываются чуть ли не социальные катастрофы из-за перепроизводства. В Канаде, например, не знают, что делать с пшеницей, а в США годами лежат на складах огромные запасы сливочного масла, затрачиваются миллионы долларов на превращение молока и яиц в порошок, как на более успешный метод хранения этих продуктов, а кукуруза часто идет не на корм скоту и не в пищу людям, а на отопление. Почему бы все эти излишки не собрать и послать туда, где в них нуждаются? Послать в виде настоящей помощи, а не подачки с подчеркиванием, что вы, мол, нам обязаны, ибо мы вас спасаем. Правда, американцы оказывают помощь многим странам, но в то же время капиталовложения американских предпринимателей заграницей доходят до 40 миллиардов долларов. Это значит, что естественные богатства во многих отсталых странах находятся в руках американцев. А в чьих руках естественные богатства, в тех и судьбы населения.

Поработить людей можно не только дубьем, но и рублем. Это американское пленение рублем большевики сильно раздувают.

Они говорят населению обедневших стран: "Американцы — ваши хозяева." И слова их, как меткие выстрелы, попадают в цель. В ответных атаках американцы указывают главным образом на то, что с торжеством большевизма наступит конец всем свободным достижениям и на земле воцарится тоталитарное рабство. Диагноз в общем правильный, но одного диагноза в данном случае недостаточно: нужен не менее правильный метод лечения красной болезни. А его-то и нет, ибо та свобода, посредством которой американцы пытаются поразить большевиков, весьма призрачна. Она доступна только тем, кто располагает богатством.

Восточная мудрость, гласящая, что едущий в карете не товарищ идущему пешком, очень метко определяет буржуазный уклад жизни. При наличии "едущих в карете" и "идущих пешком" единый фронт против большевизма невозможен. Успешно парировать большевикам мог бы лишь тот, кто совершенно свободен от пороков, присущих красным поработителям. Только анархизм, как учение, не признающее порабощения, мог бы остановить красную лавину. Но торжество анархизма равносильно закату всяких империализмов.

Нынешние "неразрушимые" проблемы могут быть легко, скоро и безполезнено разрешены с точки зрения анархизма. Нужна лишь честность. Выход из тупика сам собою откроется, как только ложь и обман отойдут в область преданий. *ЮК.*

ПРЕСТУПЛЕНИЯ МАЛОЛЕТНИХ

За последнее время в больших городах Америки участились случаи не только хулиганства, связанного с озорством подростков, но и множатся акты разбоя, а также других тяжких преступлений, совершаемых шайками малолетних. Чаще всего отдельные шайки подростков занимаются избиениями случайных прохожих и ограблениями, иногда бесцельными и бессмысленными убийствами. Избиения, ограбления, кражи и убийства стали повседневным явлением американской жизни. Ими переполнена газетная хроника.

В начале августа глава Нью-Иоркской полиции Адамс счел нужным выступить по радио и телевидению с докладом об этом столь безотрадном явлении американского быта. Он нарисовал довольно жуткую картину: по вечерам жители Нью Иорка не рискуют посещать парки или даже выходить на улицу, так как там орудуют по ночам террористические шайки преступников.

По данным Адамса, за первые 6 месяцев текущего года преступность среди подростков Нью Иорка возросла на 14% по сравнению с прошлым (1953) годом: по воскресным дням убивают одного человека, три женщины изнасилуются, 27 человек подвергаются избиениям, а 30 других ограблению на улице; 40 автомобилей угоняется ворами, в 140 квартирах производятся кражи со взломом и совершается 70 других серьезных преступлений. Положение ухудшается с каждым днем. Единственное спасение, по мнению Адамса, — это увеличить на 7,000 кадры полицейских, которых насчитывается в Нью Иорке около 20,000 человек.

Так обстоит дело в самом большом американском городе — Нью Иорке. А что же происходит в других городах и во всей стране? Обратимся к статистике.

Согласно опубликованным в конце сентября данным Федерального Бюро Расследования (Эф-Би-Ай), за первое полугодие в США было совршено 1,136,140 значительных преступлений, на 88,850 или на 3,5% больше, чем за тот же период 1953 года. *Почти каждые 14 секунд совершалось одно преступление.* Какие же это преступления? Было убито 3,420 человек плюс других 2,960 были убиты по небрежности; изнасиловано 8,750 женщин, произведено 35,650 ограблений (на 20% больше), совершено 45,680 ограблений на улице, произведено 263,120 краж со взломом (на 13% больше) и 666,550 краж без взлома (на 9% больше) и уворовано свыше 110,000 автомобилей.

В наиболее крупных семи городах было совершено *убийств:* Нью Иорк — 163, Чикаго — 138, Филадельфия — 68, Детройт — 58, Хьюстон — 46; *ограблений:* Нью Иорк — 5,411, Чикаго — 4,155, Детройт — 1,847, Лос Анджелес — 1,781, Филадельфия — 1,461; *нападений на улице:* Нью Иорк — 4,623, Лос Анжелес — 2,243, Вашингтон — 2,066, Чикаго — 2,040, Детройт — 1,735; *краж со взломом:* Нью Иорк — 24,817, Чикаго — 8,190, Лос Анжелес — 7,638, Филадельфия — 6,055 и Детройт — 5,575. По

преступности Нью Иорк занимает первое место.

Приведенные цифры наводят на печальные размышления. Ведь в материальном отношении Америка — богатейшая страна в мире и, несмотря на это, преступность в Америке из года в год все увеличивается. Наличие огромного числа преступлений показывает, что в стране изобилия и материального достатка не всё благополучно, что внутри американского общества идет глухая борьба, прикрытая покровом ночи, порой бесцельная или бессмысленная борьба, как убийство первого попавшегося на пути человека. Такую слепую борьбу могут породить только специфические условия, приводящие юношей к духовному и нравственному оскудению, к внутренней пустоте и тупому безразличию.

Нас поражают в особенности — беспричинные убийства. К примеру: в 20-х числах августа сего года газеты оповестили, что в Бруклине на допросе у судебного следователя четверо молодых парней: Джэк Козлов, 18 лет, Мелвин Миттман, 17 лет, Джером Либерман, 17 лет, и Роберт Трахтенберг, 15 лет, спокойно рассказали, как они избили до смерти двух человек, высекли двух девушек и жестоко расправились с несколькими мужчинами, ночевавшими во время жары в бруклинских парках. Руководитель шайки Козлов, спрошенный о мотивах своих злодеяний, не задумываясь, ответил, что "питает отвращение к бродягам." Его соучастник Миттман объяснил свое чудовищное поведение "желанием испытать силу своих кулаков." Приблизительно такие же ответы дали два других соучастника.

После появления в газетах фотографий молодых преступников нашлось несколько новых жертв этой шайки садистов. В выловленном из Ист Ривера трупе неизвестного мужчины юные изверги опознали свою жертву: это был рабочий Вилли Ментер, которого они, найдя спящим у Вильямсбургского моста, жестоко избили, а затем полуживого бросили в воду. Безжалостные юные бандиты происходят из семей среднего класса, жили они в полном довольстве, никто из них не испытывал никакой нужды и не может жаловаться на плохое обращение родителей. Все они учились хорошо в школах. Козлов даже учился один семестр в Нью-Иоркском университете. Но что им дала школа?

Для характеристики нравов приведем еще один пример: в последних числах октября поздней ночью в подземном поезде линии Интерборо на станции Кларк стрит в Бруклине, Нью Иорк, некий Бенсон, 19-летний верзила, нанес в исступлении несколько ножевых ран пассажирке — Минни Вильямс, 70 лет, сиделке по профессии, которую Бенсон зарезал. Вагоновожатый погнался за убийцей, который в конце концов был схвачен полицейскими в автомобиле. Бенсон был пьян и заявил, что ничего не помнит и своей жертвы не знал. Родители убийцы показали, что их сын, кроме молока, ничего раньше не пил.

Аналогичных или подобных случаев можно привести много, но в этом нет надобности, так как вышеупомянутые юноши являют собою тип многочисленных подростков, орудующих в ночное время на пустынных улицах больших городов Америки то шайками, то в одиночку. Они сильны, здоровы и вполне нормальны, хотя действия их и поступки трудно объяснить нормальностью. Уже одно бесцельное или беспричинное пребывание их на улице в поздние часы ночи указывает на ненормальность. Где-то и в чем-то у американской молодежи ум за разум заходит.

Очевидно американская молодежь, оторванная от непосредственного живого участия в жизни, лишена активной деятельности. От одуряющего безделия юноши слоняются по углам улиц, скучают и ради забавы и развлечений нападают на случайных прохожих, шутя избивают их до полусмерти и бросают на произвол судьбы, или же, ради разнообразия, занимаются ограблениями. Избивают не только прохожих, но и автомобилистов, когда для этого благоприяствуют случаи.

Власти тревожатся, они признают ненормальность положения и находят, что единственным верным средством борьбы с преступностью малолетних — это увеличить число блюстителей порядка, принять строгие полицейские меры и не менее суровые меры должна применить прокуратура и судьи для малолетних. Рекомендуют также сосредоточить усилия церкви на поощрении молодежи к богопочитанию, наладить согласованность между иноязычными церковными исповеданиями, чтобы изжить религиозную и националистическую отчужденность и нетерпимость, создать специальные учреждения для перевоспитания детей с преступными наклонностями, улучшить жилищные условия, увеличить число детских площадок и клубов для подростков, чтобы отвлечь их

от улицы, повести решительную борьбу с распространением порнографической и садистической литературы и т. п. Все эти мероприятия вряд ли приведут к правильному разрешению проблемы, ибо отцы города не видят корня зла, а лишь его последствия.

А корень зла находится в несправедливом устройстве нашего общества, основанного на капитализме и проникнутого его сущностью. Надо всегда помнить, что капитализм, вне зависимости от его формы, — будет ли это частный капитализм, как в Америке или в Западной Европе, или государственный капитализм, как в России и в странах-спутницах, где восторжествовал большевизм, насаждающий госкапитализм, — порождает преступность, ибо в основе своей порочен, так как зиждется на привилегиях, неравенстве и эксплуатации человека человеком. Отсюда и вытекают все антагонизмы, порождающие преступность. Вот где корень зла.

Разумеется, условия жизни для молодежи в России и Америке различны, как различны и устремления правящих классов и там, и здесь. В России двуликий Янус — "партия и правительство" — опекает молодежь, как, впрочем, опекает и все население, от колыбели до могилы, но опека эта не всегда достигает той цели, которую ставит себе т. н. "диктатура пролетариата": молодежь выбивается из-под опеки и нередко бунтует, за что и подвергается свирепым преследованиям, разнообразным репрессиям и ссылкам в концлагери. В Америке же молодежь предоставлена сама себе и не знает что делать, так как не имеет к чему приложить свои руки и проявить самодеятельность в труде и творчестве.

Американская молодежь, в особенности молодежь, растущая в полном довольстве, цветущая молодежь, имеет огромный избыток энергии, которую она должна на что-то употребить, израсходовать, дабы зарядка не взорвалась изнутри. Из этого следует, что молодежь в такой же мере нуждается в самодеятельности, как в воздухе и пище, потому что *самодеятельность* является естественной потребностью для правильного физического и духовного развития молодого поколения. Правда, многие юноши занимаются тем или иным спортом, который поглощает их энергию. (Поэтому физкультура поощряется частным и государ. капитализмом.) Но не всем нравится, скажем, бэйсбол или футбол, не все склонны к физкультуре, не все интересуются спортивными играми, которые сплошь и рядом превращены в коммерческие предприятия. Следовательно, подросткам некуда деваться: все пути закрыты.

А ведь имеющийся у американской молодежи избыток энергии мудрые воспитатели могли бы направить на разумные действия — на *созидание и творчество,* которые так свойственны и так необходимы для молодежи. Но, к глубокому сожалению, американская молодежь лишена этих возможностей и правильного руководства. Она выброшена на улицу, где бесцельно слоняется, стараясь как-нибудь убить время, впадает иногда в безумие или находит временное забвение и радость в выпивке, приобретающей героические свойства в удушливой атмосфере пришибленности и физического безделья. Все это толкает праздную молодежь на легкомысленные дурные поступки и на ужасные преступления, последствий которых она совершенно не учитывает. Отсюда становится понятным желание одного из подростков "испытать силу своих кулаков" на первом попавшемся ему навстречу человеке.

Для упразднения преступности нужно не только улучшение жилищных условий, увеличение числа детских площадок, мест развлечений и забав, клубов для подростков, но и *организовать программы для общественно-полезной активной деятельности молодежи, которая перестанет бессмысленно мотаться ночами по улицам и претворит подавляемый в себе избыток энергии на создание материальных и духовных ценностей,* которые возвышают человека над двуногим зверем. Тогда разумное творчество, столь необходимое для человеческого общества, станет сознательной деятельностью молодежи. Тогда взамен капитализма, т. е. угнетения и эксплуатации человека человеком, придет анархизм — свобода, равенство и братство, по которым тоскует и за которые борется человечество. *К. Филиппович*

Для человека, не участвующего в борьбе, но наблюдающего жизнь, очевидно, что как в азартных играх, лоттереях, бирже наживаются только содержатели игорных домов, лоттерей, маклерских контор, а разораются все играющие, так и в жизни наживаются только правительства, богачи, вообще угнетатели; все же рабочие, которые в надежде улучшить свое положение отступают от закона взаимности, только ухудшают положение всех рабочих, потому и свое вместе со всеми. *Л. Н. Толстой.*

ДУХ АНАРХИЗМА СРЕДИ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ СССР

Обнесенная со всех сторон железным занавесом Россия представляется нам каким-то огромным кладбищем: абсолютная тишина, полная мертвечина... Единственно кто проявляет активность, так это те, кто, угождая власти, создает себе карьеру, строит личное благополучие. Остальное население, подобно запуганным кроликам с прижатыми ушами, притаилось. Даже отошедшая в область предания Некрасовская Россия казалась некоторой благодатью, т. к. во времена Некрасова хоть стонать можно было. Кормилец многомиллионного населения — крестьянин стонал везде: в своей избушке, у овина, в поле, на большой дороге, ночуя под телегой... У большевиков же и стонать нельзя, ибо стон — один из способов проявления недовольства. А разве мыслимо недовольство там, где "рабоче-крестьянская" власть? Можно петь, — если бы пелось, — и пением прославлять "родное правительство" (во дни Сталина считалось чуть ли не колхозной обязанностью, возвращаясь с работы, горланить: "И спасибо тебе, Сталин дорогой"), но стонать — Боже упаси.

Эта мрачная картина неоднократно находила подтверждение в воспоминаниях недавно бежавших "оттуда" специалистов выдавать свои личные обиды за общую действительность. Даже птицы сейчас не поют в России — заявил один из таких спецов (Р. Березов).

И вот — гром среди ясного неба... Забастовка!.. В самом центре бесправия — на Воркуте. Конечно, результаты забастовки заранее были очевидны. Но важен не результат забастовки, а то, что ее вызвало: желание, отвага, решимость. Существа с прижатыми ушами едва ли решились бы на это.

Судьбе угодно было, чтобы в самой разгар забастовки некоторые заключенные оставили Воркуту и выехали заграницу. В числе выехавших оказалась немецкая социал-демократка—Бригитта Герланд, опубликовавшая в социалистических органах несколько статей о жизни на Воркуте. "Разве это мыслимо?" — авторитетно замечали одни. "Разве возможно, чтобы в СССР, на каторге, возникла забастовка?" — ставили академический вопрос другие. Были даже попытки объяснить не совсем обычное содержание статей тем, что Герланд, как иностранка, слабо знакома с русским языком и что она неверно поняла советскую действительность. Герланд все это опровергает. За годы пребывания в концлагере она, по ее словам, успела основательно ознакомиться, как с русским языком, так и с бытом лагеря. Все, о чем она пишет, — действительность.

Из статей Герланд видно, что значительная часть "населения" Воркуты — молодежь. Не простая, рабочая молодежь (хотя такие тоже есть), а учащаяся — студенты. Это очень важно, ибо советское правительство прилагает все усилия на то, чтобы школа была рассадником не только знаний, но и выгодной большевикам идеологии: арифметики можно и не знать, но "диамат" знать нужно. Поэтому ребенку с колыбели начинают внедрять, что такое марксизм-ленинизм. По большевистким толкованиям до 1917 г. в России ничего не было. Везде царила тьма. Но вот пришел Ленин и сказал: "Да будет свет!" и кругом стало светло. При такой системе обучения вдруг появляются учащиеся, которые убеждаются, что Ленин принес на русскую землю не свет, а мрак и рабство. Разве это не знаменательно?

Большевики стараются завлечь учащихся в невылазные дебри заблуждений, но учащиеся выходят на прямую и ровную дорогу, выходят самостоятельно, без посторонней помощи, т. к. во всех большевистских библиотеках нет ни одной книги, в которой был бы хоть малейший намек на заблуждения большевизма. Все книги, которые студентам приходится читать, — апология марксизма-ленинизма. Объясняется это тем, что чувство справедливости присуще человеку, независимо от того, в каких условиях ему приходится жить. Учащейся молодежи, больше чем кому бы то ни было, приходится шевелить мозгами, поэтому ее ряды всегда давали наибольший процент борцов за правое дело. Никто и никогда так энергично не реагировал на несправедливость, как студенты. Не оказался исключением и советский строй. Студенты при большевиках, как и при царях, самый ненадежный и самый протестующий элемент. Даже попав в концлагерь, они не успокаиваются: создают кружки, организуют комитеты сопротивления, устраивают дискуссии, пишут прокламации и т. д. Забастовка на Воркуте в значительной степени обязана студентам. Без них едва ли она возникала бы. Вот отрывок и злистовки:

"Заключенные, — гласило обращение студентов, — вы не можете потерять ничего, кроме ва-

ших цепей. Не ждите чудес. Не надейтесь на освобождение чужими руками. Никто вам не поможет. Никто вас не спасет. Только вы сами можете изменить свою судьбу. Боритесь вместе с нами за ограниченное сроком свободное поселение. Забастовка является нашим единственным орудием."

Сразу видно, что написано оно людьми, прошедшими школу марксизма-ленинизма: марксизм противопоставлен марксистам (большевикам).

Требование "ограниченного сроком свободного поселения" по мере роста стачки развилось в требование "полного освобождения." Раздаются даже голоса о восстании и о том, чтобы "двинуться всей массой на юг..." Правда, все это не успело выйти за пределы грез. Государству-левиафану не стоило большого труда подавить забастовку. Но дело не в результатах забастовки, а в том, что она была объявлена.

Большевики, конечно, постарались весь этот неприятный для них инцидент замять. Дело до огласки не дошло. Но если бы дошло и большевики написали об этом на страницах своей печати, то нет сомнений, что всю вину они свалили бы на Запад. Они громогласно заявили бы, что события на Воркуте — дело рук капиталистических агентов и шпионов. Интересно, поэтому, познакомиться со взглядами "населения" Воркуты на порядки в капиталистических странах. Свидетельством этому может послужить листовка, составленная все той же неунимающейся молодежью еще до забастовки.

"Граждане, — начинается листовка, — каждое движение сопротивления начинается с отрицания с "нет." Мы говорим "нет" партийной диктатуре, которая для всех народов Советского Союза обещание духовной свободы превратила в фарисейскую ложь. Мы говорим "нет" госкапитализму, ибо советское государство стало более тираническим эксплуататором, чем самый беспощадный частный капитализм. Мы говорим "нет" советскому империализму, который находится в самом резком противоречии с марксистским учением, ибо революцию нужно нести вперед не на русских штыках.

"Выход для нас заключается не в том, чтобы советскому большевизму противопоставить рабское подражание западной демократии с ее частнокапиталистической системой хозяйства. Мы хотим освободиться от тирании всякого государства, ибо государство, в конечном счете, не что иное, как хитро придуманная машина для эксплуатации и угнетения трудящихся. Мы хотим установить социалистическое советское правительство без партий, подлинное представительство народа через рабочие и крестьянские советы. Государственный аппарат должен быть заменен рабочими и крестьянскими синдикатами, которые будут управлять и распоряжаться не людьми, а только средствами производства."

Бригитта Герланд отмечает, что содержание листовки она передает своими словами. Так как Герланд по своим убеждениям — марксистка, то нет сомнений, что она не допустила никаких прикрас в пользу анархизма. Наоборот, скорее можно допустить, что она до некоторой степени стушевала и несколько затуманила ясный дух анархизма. Быть может, этим и объясняются противоречия, заметные в заключительных строках листовки.

Что скажут на это "эксперты" по русским вопросам, блуждающие среди трех сосен — монархизм, капитализм, большевизм — и не осмеливающиеся выйти на простор человеческого мышления? Советская учащаяся молодежь опрокидывает ветхие, давно износившиеся схемы и теории. Сколько раз доказывалось всевозможными "экспертами," что анархизм — учение беспочвенное, безжизненное, а на деле выходит, что анархизм — самое "почвенное" социальное течение. Сама жизнь толкает людей к анархизму. Без агитации, не читая книг, в которых излагалось бы толково и беспристрастно учение анархизма, не слыша профессорских речей об анархизме, учащиеся самостоятельно приходят к заключению, что государство — враг трудящихся. Это ли не доказательство жизненности анархизма? Это ли не свидетельство, что каждый человек, коль скоро он отправляется в поиски истины, неизбежно приходит к анархизму?

Да, нельзя познать истину, не став анархистом. Только тот не станет анархистом, кто истины не ищет, кому истина не дорога, а также тот, кто хорошо знает, что такое истина, но сознательно старается ее извратить. Первые — духовные слепцы, а вторые — сознательные враги правды и справедливости. Но таких людей среди советского студенчества, к счастию, немного. Тысячи молодых людей — юношей и девушек — на одной лишь Воркуте — красноречивое свидетельство того, что советская молодежь истину ищет.

Анархист

Где начинается искание истины, там всегда начинается жизнь; как только прекращается искание истины, прекращается и жизнь.

Джон Рескин.

ПОКАЗАТЕЛЬНЫЙ КОЛХОЗ "ПАМЯТЬ ИЛЬИЧА"

Корреспондент "Ассошиэйтед Пресс" Стэнли Джонсон в депеше из Москвы от 7-9-54 сообщает, что впервые иностранным журналистам в Москве разрешили посетить большой колхоз "Память Ильича," расположенный в 17-ти милях к северу от Москви. Повидимому, "милость," оказанная иностранным корреспондентам, имела целью разнести по миру весть о том, в каком довольстве и вольготности живут государственные батраки под теплым крылышком правящего Кремля. Очевидно для советской власти реклама стала насущной потребностью.

Председатель этого показательного колхоза Осип Рузин заявил журналистам, что в текущем году принудительная сдача сельско-хозяйственных продуктов государству значительно снижена. (Как известно, в прежние годы советское правительство забирало принудительно у своих батраков, которых большевики величают колхозниками, львиную долю с-х продуктов, часто забирало под метелку и выморило искуственным голодом несколько миллионов крестьян.)

Рузин пояснил облегчение правительственного грабежа следующим примером: прежде "родное" совправительство забирало в обязательном порядке поставок 600 тонн картофеля, 250 тонн помидор, 40 тонн молока и 8 тонн мяса в год, а ныне соответственно: 10 тонн картофеля, 30 помидор, 12 молока и 2 тонны мяса. За продукты, забираемые принудительно, правительство платит: тонна картофеля — 300 рублей, огурцов — 800 р., капусты — 500 р., морковь — 300 р. Цены же на вольном рынке: тонна картофеля — 2,000 р., огурцов — 1,500 р., капусты — 4,000 р. Кроме первоочередных обязательных поставок по зафиксированным ценам, существуют еще дополнительные — "добровольно-принудительные" поставки "излишков." За "излишки" совправительство платит колхозам чуть высшую цену, чем за принудительную, но гораздо ниже цен вольного рынка.

Молочные продукты, овощи и фрукты составляют главные отрасли хозяйства показательного колхоза "Память Ильича," где живет до тысячи человек, из коих работают 230 женщин и 140 мужчин, остальные — комиссары или нетрудоспособные старики и дети.

По словам Рузина каждый работающий в его колхозе пролетарий или пролетарка получает за трудодень 4 кило картофеля, 4 кило других овощей, 0,5 кило фруктов, 0,5 кило крупы и 8 р. деньгами. *Трудодни* насчитываются по разному: доярке, присматривающей за коровами, за каждые 50 литров молока насчитывают один трудодень; трактористу за вспашку 10 акров земли начисляют 3 трудодня; самому Рузину, как начальнику колхоза, которому "партия и правительство" вверили в эксплуатацию свое гос-имущество, ежемесячно начисляют 100 трудодненй и дают 500 руб. деньгами. Как хозяин государственного поместья с 1000 душ, Рузин пользуется всякими привилегиями, имеет автомобиль, телевизор и много других вещей, в общем — живет припеваючи.

Колхоз, как государственное предприятие, сданное в эксплуатацию, платит собственнику (сов. правительству) 8% налога с валового дохода. Вдобавок каждый колхозный батрак платит ежегодно по 100 р. налога за клочек земли в четверть акра, милостиво отпускаемого под огород батрака. Последний может иметь корову, двух телок, свинью, 10 овец и домашнюю птицу в неограниченном количестве.

Если принять все эти посулы "партии и правительства" на веру, то жизнь колхозников кажется роскошной. Возникает только вопрос: где и как разместить на огородной земле в четверть акра корову, 2 телки, свинью, 10 овец и неограниченное количество домашней птицы — гусей, курей, индюков, уток? Как можно вырастить на четверти акра корма для этих домашних животных и птиц? Очевидно животные и птицы живут под открытым небом и питаются манной небесной.

О показательном колхозе "Память Ильича" писал в канадском большевистском "Вестнике" от 28-8-54 бывший духоборец В. А. Сухарев, перешедший на службу к большевикам и посланный компартией "делегатом" в Россию на зарядку. В ударном порядке эту достопримечательность показали командированным в СССР заграничным агентам, которые, вернувшись натасканными в буржуазные страны, расписали, какие дивные чудеса видали они в сказочном царстве... тоталитарной диктатуры. О колхозе "Память Ильича" г-н Сухарев, между прочим, пишет:

"В прошлом году этот колхоз получил **4 млн.** рублей дохода. Колхозники получили по 10 р. деньгами и по 10 кило продуктов на трудодень. Трудодень начисляется количеством и качеством труда... В прошлом году средняя выработка колхозников была 550 трудодней каждый. Колхозники получили в среднем по 5,500 р. деньгами и по 5,500 кило продуктами.

"Каждый колхозник имеет... свой собственный дом, приусадебный участок в 0,3 гектара земли, корову, двух телок, 1 свинью с приплодом, 19 овец, 10 ульев пчел и неограниченное количество птицы.

"За свои средства колхозник может приобресть все, что ему нужно... Для постройки дома... колхозник может обратиться за долгосрочным займом от государства. Обыкновенно на постройку дома выдается ссуда в 10-12 тысяч рублей на 10-12 лет выплаты. Колхоз снабжает колхозников материалом для пристроек.

"В колхозе имеется детский сад, куда матери могут сдавать своих детей для присмотра во время работы. Детей там кормят, учат... Возвращаясь с работы, мать берет ребенка домой. Имеется своя амбулатория, 10-классная школа, клуб с лекционным залом. Часто приезжают докладчики из Москвы. При клубе имеются кружки художественной самодеятельности. Ими руководит артист Злобин. Там же при клубе имеется своя лекторская группа из 20 человек с высшим образованием. Ежедневно выпускаются "боевые листки." Издается своя стенгазета... Колхозники имеют радио и телевизоры.

"В колхозе имеется партийная организация, в... 50 человек коммунистов. Они и являются главной силой в руководстве... Секция Агипропа обсуждает политические вопросы, организует лекции на разные темы...

"Вся работа колхоза с весны распределена на бригады на целый год, так что колхозник знает, за какой участок и за какую работу он ответственен. Каждый бригадир ответствен за работу своей бригады и за весь свой участок. Он ежедневно дает отчет о работе председателю.

"В начале года колхоз подписывает договор с государством... о сдаче государству известного количества овощей, молока, масла, мяса и прочее. Колхоз сдает свои продукты на государственные склады по установленным ценам."

Из вышеприведенных описаний видно, как живется государственным батракам в показательном колхозе: батрак или батрачка прикреплены к своему погонщику-бригадиру, который ежедневно докладывает о них начальнику имения. Это значит, что люди находятся в рабстве от колыбели до могилы, под командой и надзором бригадиров, без разрешения которых они и шага не смеют сделать, так как все идет по команде из Кремля. Таковы результаты диктатуры, свирепо укрепляющей государственный капитализм.

Теперь можно поставить несколько вопросов по существу комагитки. Трудодни: кто определяет "количество и качество труда"? Разумеется, не колхозники, а комиссары: кому сколько захотят, столько и запишут трудодней.

Из живущих в колхозе почти тысячи человек работает около 400 — 230 женщин и 140 мужчин. По Сухареву они получили в круглой сумме 2 млн. рублей; куда же и на что пошли остальные 2 миллиона?

По Сухареву "каждый колхозник имеет свой собственный дом" и много другого добра. Если это верно, то зачем колхознику обращаться к барину за ссудой на постройку дома? Очевидно не все колхозники имеют дома.

Сказки о "детских садах" разоблачают иногда и сами большевики. Можно одно лишь заметить, что женская доля совершенно безвыходна, раз мать вынуждена бросить дитя в "детском саду." Значит, большевизм довел ее до такого состояния. Достижения печальные, хотя и громкие.

Надо полагать, что показательный колхоз очень важен, если туда *"часто* приезжают докладчики из Москвы." "Кружки художественной самодеятельности" внушают не меньшее подозрение, ибо всё, что носит на себе печать казенщины, говорит о народном горе и о бесправии народа.

Совсем неуместна "своя лекторская группа из 20 человек с *высшим образованием."* Подумайте, каждый из 20 упомянутых оболтусов затратил до 15 лет на получение высшего образования, оказавшегося годным лишь для того, чтобы выполнять обязанности колхозных лекторов!.. Явная нелепость Что же эти спецы с высшим образованием делают? Они "ежедневно выпускают боевые листки" для 230 батрачек и 140 батраков, занимаются заборной литературой, пишут на заборах и на стенах правоверные лозунги ортодоксального большевизма и вообще опекают сиволапых мужиков. Если к этим "20 лекторам с высшим образованием" добавить 50 коммунистов, которые "являются главной силой," то комиссаров и погонщиков рабов наберется, по меньшей мере, добрая сотня: по 10 поднадзорных пролетариев на каждого начальника. Все они "обсуждают политические вопросы и организуют лекции на разные темы" — вот какова работа колхозной знати.

Из всего этого можно заключить, что в большевистских колхозах слишком много и начальников, и бумагомарателей, а толку очень мало. Нужно обладать неимоверной

тупостью и беспредельным упрямством, чтобы протоптаться на одном и том же месте почти 40 лет и не подвинуться ни на шаг вперед по пути человеческого прогресса. Таков на практике марксизм-ленинизм-сталинизм...

Марк Степной

"СЧАСТЛИВАЯ" КОЛХОЗНИЦА

Когда заканчивается в СССР сельско-хозяйственный год, летят потоки рапортов о сдаче хлеба, картофеля, кукурузы, льна, яиц, рыбы и прочего. Рапорты заканчиваются словами: 'Сдача продуктов сверхплана продолжается." Между этими рапортами иногда мелькают сообщения о результатах труда сдатчиков, т. е. самих колхозников, об их заработках. Об обычных колхозах, которые имеют на трудодень по 100-200 граммов зерна, не сообщают, но расписывают показательные колхозы. А ведь заработок в 100-200 граммов в день означает, что колхозник не ест настоящего хлеба, а лишь с травой и кореньями, что у детишек пухлые животы, что в семье неприкрытая нужда, голод, отчаяние, частая преждевременная смерть и что заработок такого колхозника на дореволюционные деньги равен одной копейке, а на советские сдаточные цены, обязательные для колхозников, равен 2-3 копейкам, на отпускные же цены для городских жителей — 20-30 копейкам.

Для американского читателя все эти граммы и килограммы на трудодень — уравнение со многими неизвестными. Поэтому, остановившись вскользь на крестьянах-тружениках, зарабатывающих гроши, разберем, в чем "счастье" одной колхозницы, получившей 5 кило зерна на трудодень. О ней трубили сов. газеты.

Итак, 5 кило на дореволюционные деньги стоили 20-25 копеек, на советские сдаточные цены — 30 копеек, а на городские отпускные (цена ржи) около 9 рублей. А между тем, в дореволюционной России батраку платили поденно на хозяйских харчах — 30 копеек в северных губерниях и до 1 рубля в Крыму и на Северном Кавказе. Сравнение не в пользу "счастливой" колхозницы.

Но будем решать ребус дальше. Наша колхозница выработала 250 трудодней и заработала 1,250 кило зерна за год. Средняя крестьянская семья имеет обычно 4-5 человек. У нашей колхозницы двое нетрудоспособных детей и старая бабка — 4 человека. Из ее заработка в 1,250 кило за помол зерна на советской госмельнице она отдаст до 80 кило. Для прокормления 4 членов семьи необходимо 900 кило, принимая во внимание, что хлеб есть основа питания колхозника и что из зерна будет сделана крупа-засыпка для коровы, если таковая имеется, для 3-4 кур она должна оставить 70 кило на год. Таким образом 1,050 кило уйдет на внутреннее потребление, а для реализации на рынке останется всего на всего 200 кило. А ведь наша "счастливая" колхозница должна одеть и обуть свою семью, купить соль, керосин и прочую хозяйственную мелочь, книги и тетради для детей, починить избу и т. д. Может ли она сделать все это на оставшиеся 200 килограммов зерна?

Если ей удастся реализовать 200 кило по городской цене — 1 р. 80 к. за кило, — она получит 360 рублей или по 30 р. в месяц — ее заработок. По существу, кроме соли и другой хозяйственной мелочи, наша "счастливая" колхозница ничего не сможет купить. Поэтому она должна за счет урезки нормы питания семьи и коровы продать еще сотни килограммов, чтобы купить, после многодневных стояний у Сельпо, ситцу ,спичек и еще чего-нибудь. О какой-либо зажиточности даже странно говорить, хотя "счастливцу" ставят в пример менее удачливым колхозникам. Не забудем, что она должна подписаться на обязательный госзаём, а также сдать "излишки," т. к. "сдача хлеба сверхплана продолжается."

В рапортах никогда не упоминается, сколько государство берет с колхозника и сколько ему оставляется на пропитание. Ограбление колхозника государство маскирует под видом государственных поставок, натуроплаты за работу МТС и десятка других видов сдачи-ограбления, состригая с колхозника 75-80% его заработка. Не будь этого государственного паука — наша "счастливица" заработала бы не 5, а 20 килограммов, т. е. получила бы справедливую оплату труда.

Федор Герасимов

...Всякому человеку, не участвующему в борьбе людей между собою, но наблюдающему жизнь извне, очевидно, что борющиеся между собою люди поступают совершенно также, как игроки, отдающие свою верную, хотя и небольшую собственность за очень сомнительную возможность ее увеличения.

Л. Н. Толстой.

ПАЛМЕРОВСКИЕ ПОГРОМЫ

(Их причины и цели)

Бомбистская шумиха

Главная причина, вызвавшая Палмеровские погромы, кроется в карьеризме. Стать героем дня, преобразиться в Георгия Победоносца, копьем разящего чудовище в самую пасть, — вот чем руководствовались виновники этих погромов, начиная от захудалого сыщика и кончая генеральным прокурором М. Палмером. В министерстве юстиции кто-то читал, что в России при царях было сильное революционное движение, что многие революционеры, спасаясь от преследований, бежали за границу и что в США находится многочисленная русская колония. Отсюда сам собой напрашивался вывод: значительная часть русских в Америке — революционеры. (Кто же, как не революционеры, ехали из России?) Неоднократные митинги протеста против блокады России, а также уличные демонстрации, устраивавшиеся русскими организациями в Нью Йорке и других городах, как бы подтверждали это мнение. Но митинги и демонстрации — вещи легальные (хотя за это тоже часто разбивают головы). Нужно было создать что-то выходящее за пределы законов. Этим "что-то" явились бомбы. (Что же, как не бомбы, лучше всего подходят революционерам?)

Весна 1919 г. прошла под знаком бомб. Накануне 1 мая вся страна вдруг оказалась засыпанной адскими машинами. Их находили везде, но больше всего почему-то в зданиях почтовых контор в виде посылок, адресованных разным высокопоставленным лицам. Уже одно это давало полное основание полагать, что тут что-то "не так, как надо." В богатых домах посылки почти всегда вскрываются прислугой, поэтому посылать бомбы по почте это значит — убивать прислугу, что никак не в программе революционеров. Кроме того, бомбы могли преждевременно, вследствие заминки с доставкой, взорваться на почте, от чего пострадали бы опять-таки ни в чем неповинные лица — почтовые служащие. К счастию, от этих "почтовых бомб" никто не пострадал, за исключением одного случая в штате Джорджия.

"Почтовые бомбы приурочивались и связывались с рабочим праздником Первого Мая. Кто-то рассчитывал на двойной эффект: шумные демонстрации рабочих на городских площадях, — с одной стороны, и оглушительные взрывы в богатых домах — с другой. Но рассчет не оправдался. О бомбах почему-то вскоре забыли. Газеты перестали писать о них...

Но это продолжалось недолго. Уже вначале июня бомбы опять всплыли на поверхность событий, но на этот раз в виде пакетов, доставляемых посыльными (как цветы из цветочного магазина). Тут тоже не обошлось без курьезов. Зачем, например, террористам нужно было посылать бомбу в дом судьи, если они этого судью могли ежедневно видеть в здании суда? Или случай с бомбой в церкви, имевшей место в Филадельфии? Кому предназначалась эта бомба? В церковь ведь мог войти кто угодно — сторож или какая-либо богомольная старушка — и пострадать от взрыва. Верхом безумия, однако, следует считать случай в Пэтерсоне, Нью Джерзи: бомба была обнаружена на фарбике, переполненной рабочими. Кто мог от этой бомбы пострадать — всем очевидно. Бомба, предназначавшаяся мэру г. Кливленда, почему-то оказалась не в Сити Холл, а в загородной резиденции мэра. В одном из южных штатов бомбу обнаружили в доме сенатора, — того самого сенатора, который впоследствии защищал первого сов. "посла" в США — Мартенса.

Цели Палмера

"Эпопея" с бомбами закончилась взрывом в Вашингтоне — в доме самого Палмера. Конечно, ни Палмер, ни его семья от взрыва не пострадали, но, несмотря на это, венец мученичества обрамил чело министра юстиции. Перед общественным мнением Палмер предстал в виде страдальца, не столько за то, что он министр юстиции, сколько за то, что он стоит на страже благоденствия населения. Оставалось лишь к терновому венцу мученика добавить лавровый венок героя "спасителя" и номинация в президенты в 1920 г. от демократической партии, казалось, обеспечена. Вот где коренная причина погромов: министру юстиции хотелось занять место Вильсона в Белом Доме. Это утверждает человек, входивший в то время в состав министров — Луис Ф. Пост, который в кабинете Вильсона занимал должность помощника министра труда. В своей книге

"Депортационные бредни," вышедшей еще в 1923 г., Пост утверждает, что вокруг Палмера образовалась клика (дословное выражение Поста), доказывавшая, что обычным путем демократам на президентских выборах в 1920 г. не победить, ибо, вследствие войны, престиж демократической партии пал. Нужно, мол, создать что-то сногсшибательное, возносящее до небес, если не всю партию, то, по крайней мере, некоторых ее членов.

Почти в то самое время, когда — как по мановению волшебного жезла — везде появились бомбы, в газетах Херста была напечатана статья, начинавшаяся словами: "Над Америкой бродит грозный призрак — призрак анархизма." (Перефразированные слова из "Коммунистического Манифеста.") Автор статьи, выдавая себя за знатока анархизма, подробно описывал, как живут анархисты, что они делают, чего хотят и т. д. Живут они, конечно, коммунами, "как стадные животные," не признают ни брака, ни семьи, едят без вилок и ножей, а деятельность их сводится исключительно к охоте на таких лиц, как Рокфеллер, Морган и др. Само собой понятно, что тот, кто рассеет этот "грозный призрак,"—явится не только Георгием Победоносцем, но и вполне законным претендентом на пост президента, независимо от того, от какой партии его кандидатура будет выставлена.

Мнимая опасность

Начало положено. Имея в своем распоряжении "данные," Палмер немедленно отправился на заседание финансовой комиссии Конгресса, перед которой, не жалея красок, нарисовал картину надвигающейся опасности. "Мы беспечно пьем и едим, не замечая тех подземных ходов, которые под нас подводятся," — закончил он. (Намек на попытку к побегу А. Беркмана из Питтсбургской тюрьмы при помощи подкопа.) Комиссия, состоявшая из "своих" людей, поблагодарила Палмера за бдительность и ассигновала около 3 миллионов долларов на борьбу с опасностью. Коль скоро оказались деньги, — нашлись и люди для растаскивания этих денег. Немедленно был создан комитет — нечто вроде генерального штаба — во главе с "экспертом по анархизму" — частным детективом В. Флинном. Если Палмеру мнимая опасность нужна была для создания карьеры, то Флинну и ему подобным детективам (федерального сыска оказалось недостаточно) эта опасность нужна была для создания "джабов." Чем больше опасность, тем дольше продлится "работа," и тем нужнее они будут федеральным властям. Отсюда вполне понятно, почему частные детективные агенства старались из мухи (а то и без "мухи") сделать слона. Понятны также чрезмерные жестокости, проявленные во время набегов: хотели показать, что они (сыщики) даром казенного хлеба не едят.

Вначале предлагалось ограничиться арестами, тюремным заключением и т. д. Но так как виновников бомб не удалось создать (именно — создать, а не отыскать), то полицейские меры оказались беспочвенными. Нужно было искать иную меру наказания. Остановились на депортации. Этот выбор и погубил все планы Палмера и его окружения. Депортация, как мера наказания, в данном случае никак себя не оправдывала. Депортируемые оставляли Соединенные Штаты не со слезами, а с песнями и великой радостью. (См. об этом воспоминания Эммы Гольдман). Для них это было не наказание, а облегчение. Кроме того, сов. правительство тогда еще не было признано, поэтому депортация встречала большие технические затруднения. Вдобавок по законам США депортация зависела от министерства труда, где, как уже было отмечено выше, были люди, не разделявшие взглядов Палмера. Начались трения... Приказы о депортации хотя и подписывались министром труда или его заместителем, но не в таком количестве, как это хотелось Палмеру. Дело дошло до сенатской следственной комиссии, в которой Палмер из обвинителя превратился в обвиняемого. Но это уже финал "палмеровщины." Нас же интересует то, что вызвало погромы и как они проводились.

Частные детективные бюро взяли на себя миссию Иуды: войти в доверие к членам Союзов Русских Рабочих, узнать имена и адреса должностных лиц, а также наиболее активных членов. Миссия эта не дала желательных результатов. Несмотря на то, что на помощь сыскному отделению пришли некоторые духовные лица (русские) и главари правых организаций, адреса и места работы секретарей Союзов Русских Рабочих (председателей в Союзах, как известно, не было) были известны властям лишь в некоторых городах. (В этих-то городах и произошли ареста секретарей Союзов на частных квартирах или же на улице во время возвращения с работы.) В большинстве случаев детективы вынуждены были ходить вокруг да около,

не имея возможности проникнуть во внутреннюю жизнь организаций. В конце концов было решено — "ловить рыбу неводом, а не удочкой," т. е. вместо единоличных арестов прибегнуть к облавам.

Массовые налеты на СРР

День погромов — 7 ноября 1919 года, когда в Москве праздновали вторую годовщину октябрьского переворота—свидетельствовал лишь об одном: о полном незнакомстве Палмеровского окружения ни с идеологией анархизма, ни с идеологией большевизма. Между анархистами и большевиками в то время уже шла дискуссия. Страницы анархических изданий были заняты разоблачением большевиков. Несмотря на это, американские власти чисто большевистское дело — празднование годовщины Октября пристегнули анарихистам. В Вашингтоне полагали, что по случаю празднования все члены Союзов будут в этот день в помещениях своих организаций, что даст обильный "улов." Готовились к набегам с соблюдением всех правил военного искусства. Сначала посылали лазутчиков, а затем, по знаку последних, окружали здание со всех сторон. Заняв все входы и выходы в помещение, группа отборных сыщиков врывалась в зал и грозно приказывала всем находившимся там становиться в ряд у стены. Говорить никому не разрешалось. На попытки некоторых узнать в чем дело обычно следовал удар по голове. Ни пол, ни возраст не принимался в рассчет. Все были—"опасный элемент." Начинался "марш испытаний," нечто в роде дантовского чистилища. Каждого арестованного, влекомого в "патрульку," награждали — стоявшие по обеим сторонам в коридоре сыщики — не только отборными ругательствами, но и рукоприкладством. Были случаи "спуска по лестнице." После увода всех из помещения, начиналась "черная работа." К зданию подкатывали грузовики, в которые грузили все, что было в помещении, за исключением крупной мебели (последнюю обычно ломали). Так как почти во всех Союзах Русских Рабочих существовали школы грамоты, то большинство захваченной добычи состояло из учебников, что не мало огорчало налетчиков: искали чертежи по изготовлению бомб, а нашли арифметические задачники Малинина и Буренина. Издевательства, начавшиеся в момент облавы, не прекратились и в полицейских застенках. Случаи "игры в мяч," т. е. толкание арестованного от одного сыщика к другому, повторялись весьма часто, в особенности, если арестованный был небольшого роста или же слабый здоровьем. В Бостоне даже дошли до того, что арестованных заковали в кандалы... (При пересылке из одной тюрьмы в другую.)

Жестокость до некоторой степени понятна в тех случаях, где приходится иметь дело с запирательством. Но в данном случае она необъяснима, ибо запирательств решительно никаких не было. Ни у кого из арестованных даже в помыслах не было отказываться от своих убеждений. (А об ином у них не спрашивали.) Но тем не менее многие подвергались побоям. Вот типичная сценка "допроса." — Веришь в анархизм?" — "Верю." — "Так вот тебе за это..." — (При этом следовали удары.) Били людей исключительно за их политические убеждения. Били только потому, что бившие проявили себя не людьми, а дикарями с сигарой в зубах.

По американским законам никто не должен быть арестован без судебного на то разрешения. Больше того, арестованный — хотя бы и по субедному разрешению — не считается виновным до тех пор, пока суд не признает его виновным. Арестованным предоставляется право нанимать защитника, выходить под залог и т. д. Нечего и говорить, что ни одно из этих правил не было соблюдено во время Палмеровских погромов. Его молодцы оказались настоящими "анархистами," т. е. людьми, попирающими законы с той лишь маленькой разницей, что анархисты отрицают законы во имя свободы, а палмеровские ребята отрицали их во имя произвола. Вся "палмеровщина" от начала до конца — произвол в самом широком смысле этого слова. Это было форменное топтание американской конституции, гарантирующей неприкосновенность личности. Никакого конкретного обвинения никому не предъявляли. Все обвинялись "оптом" без суда и следствия на основании общего положения, сводившегося к тому, что арестованные — анархисты, не признают правительства, стремятся к насильственному перевороту и т. д. Но кто из них, когда и чем активно проявил себя в насильственном перевороте — остается загадкой. Посещение митингов, уличные демонстрации да чтение легально выходивших печатных органов—единственные акты "насилия." Даже о пресловутых бомбах забыли, и тем самым поставили себя в положение гоголевской унтер-офицерши. Как будто и не было наделавших в свое время столько шума адских машин. Обвинения сплетались исключительно с ударением на

то, что американскому порядку угрожает опасность. Подумать только: 20-25-летние деревенские парни, приехавшие в США без знания языка и не имевшие понятия о политическом устройстве этой страны, вдруг оказались опасными...

Голос совести

Всякие жестокости, кем бы они ни применялись, порождают в гуще населения не только аплодисменты, но и порицания. Нашлись люди, даже очень далекие от радикальных взглядов (как Чарлс Эванс Юз), осудившие "палмеровщину." Даже на скамьях законодателей начали раздаваться голоса: "Где мы живем — в цивилизованной стране или же в дремучем лесу, где практикуется охота с дубинкой на перевес?" А когда некоторые законодатели — конгрессмен Ходдлестон и сенатор Бора, — ознакомившись, как с актами арестов, так и с тем, *кто* был арестован, доложили затем своим коллегам о своих впечатлениях, то краска стыда показалась даже на лицах у тех, которые обычно краснеют только от чрезмерного употребления алкоголя. "Если нашему правительству, — сказал Ходдлестон, — действительно угрожает опасность от тех лиц, которые в своем большинстве с трудом подписывают свое имя, не говорят по-английски, не знают даже простых дробей, не имеют понятия, что такое Потомак — город, река или генерал, — то члены нашего правительства, должно быть, во всех отношениях стоят не выше, а ниже этих лиц." Сенатор Бора "страшных революционеров" назвал обыкновенными тружениками, открыто высказывающими свои мысли, но дальше этих высказываний не идущими.

По мнению Поста, из 235 анархистов, депортированных на "Буфорде" (на том же пароходе были депортированы 14 других человек), не больше 50 знали, что такое анархизм. (Нужно заметить, что Посту, лично знавшему Эмму Гольдман, хорошо известны были все течения анархической мысли.)

Следует, однако, отметить, что разгул "палмеровщины" пошел на убыль не вследствие этих трезвых голосов. Палмеровщина отцвела, во-первых, потому что иссякли отпущенные ассигновки, а, во-вторых, потому что еще задолго до открытия летом 1920 г. конвента демократической партии определенно выяснилось, что шансы Палмера на кандидатуру в президенты равняются нолю. Последняя вылазка — взрыв бомбы летом 1920 г. на Волл стрит, когда погибло несколько человек, не дала желанных результатов. Фиаско с бомбами в 1919 г. всем еще было памятно. "Анархистов депортировали, а бомбы все еще взрываются," — твердили некоторые шутники. Пытались этот взрыв связать с нарождавшимся в то время делом Сакко и Ванцетти, но безуспешно. В общем, результатом трескотни о бомбах явилось лишь то, что население лишний раз вспомнило сказку Марка Твена о пропавшем белом слоне. Суть сказки вкратце сводится к следующему. Слон, которого должны были отправить в Европу, перед самой погрузкой на пароход вдруг куда-то исчез. На ноги была поставлена вся полиция — явная и тайная. Начали поступать донесения... Одни утверждали, что слона заметили на просторах Дакоты, другие доносили из Ст. Антонио, Тексас, что слон находится недалеко от этого города. Были телеграммы из Флориды, Калифорнии... Везде видели пропавшего слона... В конце концов слон был обнаружен в том самом городе, из которого он исчез... в подвале полицейского участка. Эту сказку сравнивали с историей с бомбами.

Отрезвление наступило, к сожалению, со значительным запозданием. Работа, во всех отношениях неблагодарная, уже была сделана. Палмеру и его "крестоносцам" удалось разгромить почти все русские радикальные организации и выслать из страны несколько сот человек. Было бы выслано гораздо больше, если бы сов. правительство не спохватилось и не пресекло въезд в страну. Получилась не совсем обычная картина: людям, обвинявшимся в приверженности к революции, был закрыт доступ в страну, где эта революция произошла. (Исключением были только стопроцентные большевики.) Начавшиеся широким размахом, под громкой вывеской "спасения страны от опасности" — Палмеровские погромы в конце концов вылились в мутное, обычное для всех шовинистов, гонение на иностранцев, преимущественно — на русских. Вместо набата о бомбах, газеты пестрели заявлениями, что "нам нужно избавиться от нежелательных иностранцев."

Нежелательные иностранцы

Не похоже ли это на пальбу из пушек по воробьям? Почему иностранцы, в данном случае исключительно русские радикальные рабочие, легально приехавшие в страну, занимаясь мирным трудом на фабриках, а в организациях — самообразованием, — вдруг стали нежелательными, — этого толком ни-

кто не мог объяснить.

Палмер и его соратники, несомненно, рассчитывали на нечто более эффективное. Отправляясь в набеги, они думали, во-первых, что встретят вооруженное сопротивление, а во-вторых, захватят горы трофеев в виде бомб, пистолетов, кинжалов и т. п. Но ничего подобного не оказалось. Вместо бомб — задачники, вместо баррикад — классные столы. Только в одном случае были обнаружены две "бомбы," которые оказались обыкновенными железными шарами, употребляющимися при гимнастических упражнениях.

У одного русского писателя есть сценка — описание отправки военного отряда в Кавказские горы для поимки не то уголовных преступников, не то политических повстанцев, спрятавшихся в дремучем лесу. Началу похода предшествовали вразумительные речи с указанием, что брать с собой, как вести себя в лесу, что делать в случае встречи с противником и т. д. Затем был отслужен напутственный молебен, окропили каждого воина святой водой, осенили крестным знамением и икону дали на дорогу... Когда поход кончился, то в результате на опушке леса оказалось несколько тощих коз, вспугнутых и выгнанных отрядом из лесной чащи. Палмеровские ребята, если забыть на время учиненные ими жестокости, очень напоминают этот отряд: им пришлось иметь дело не с опасным противником, а с беззащитными и беспомощными людьми. Вообще, если бы можно было скинуть со счетов жестокость, то вся "палмеровщина" превратилась бы в дон-кихотство, в борьбу с ветряными мельницами... Но жестокость от "палмеровщины" неотделима, поэтому вытекающий из неё комизм в конечном итоге превращается в трагедию.

Палмер своими действиями, прежде всего, подчеркнул, что все писанные законы, даже если они написаны с благой целью, все гарантии, всякие конституции и хартии прав человека — в сущности ничего не стоят. Все это может быть самым безжалостным образом нарушено, если нарушение выгодно тому, кто нарушает. Оппоненты Палмера, критикуя его деятельность, главным образом и указывали на это. Как можно, говорили они, вызвать чувство уважения к конституции, если каждый видит, что конституция грубо и беспардонно попирается? Сегодня опасными считаются нежелательные иностранцы, но завтра под категорию "опасных" можно будет подвести и других людей. Конституция при наличии произвола — ничто. Она не может никого защитить — ни иностранцев, ни граждан.

Беззаконие Палмера

Гражданам Палмер делал одолжение: он их не трогал не по конституционным соображениям, а исключительно в силу своей личной прихоти, при чем этим самым (отделением граждан от неграждан) да и вообще всей своей кампанией он допустил столько противоречий, что даже юристу трудно разобраться. В самом деле, почему иностранец, придерживающийся известных убеждений, — опасен, а свой гражданин, исповедующий те же политические взгляды, — не опасен? Далее: если опасность исходит исключительно от иностранцев, то почему Палмер распространил ее только на русских, а выходцев из других стран избавил от этого? И еще: если только русские — опасность, то почему не все русские, а лишь некоторая часть? Ведь пресловутый закон, лишающий анархистов всех легальных прав, не может вывести из лабиринта противоречий? Если бы дело было в этом законе, то не было бы набегов на большевистские организации, как не подходящие под действие этого закона. (Набеги на большевистские организации произошли в начале 1920 г., т. е. приблизительно через два месяца после разгрома анархических организаций.) Да и на анархические организации не было бы набегов, ибо в таком случае, в силу этого закона, никаких анархических организаций не могло бы быть. Если же организации были и если они носили легальный характер, то стало быть —пресловутый закон тут не при чем. Действия Палмера — обыкновенный произвол, не имеющий никаких оправданий. Палмер не только превратил в простой клочек бумаги американскую конституцию, гарантирую- свободу слова, печати и собраний, не только зачеркнул начальные слова Декларации Независимости: "Все люди созданы Творцом равными," не только бесцеремонно попрал Хартию Прав Человека, — но переступил даже законы, для охраны которых он был назначен. За это Палмер должен был бы сесть на скамью подсудимых... Вина его заключалась в том, что вверенные ему казенные деньги расходовал не на ту цель, на которую они предназначались. Конгресс ассигновал деньги "на пресечение возможных преступлений против правительства Соединенных Штатов," но не на высылку иностранцев из страны. Палмеру были поручены чисто юридические функции, а не административные. Он мог арестовывать, судить, сажать в

тьюрму "опасных преступников," но не мог никого депортировать.

Приглашение частного сыска на государственную службу, несомненно, произошло с ведома и по рекомендации индустриальных баронов, преимущественно — владельцев крупных лесных промыслов в северо-западных штатах, где были сильны союзы Индустриальных Рабочих Мира. Об этом свидетельствует тот факт, что в окружении Палмера первые скрипки играли представители от штатов Вашингтон и Орегон. Промышленные магнаты вполне резонно полагали, что поход на радикальных иностранцев коснется некоторых руководителей организованного труда, поэтому и была рекомендована разная "пинкертовщина," как наиболее опытная в деле борьбы с организованными рабочими. В США частные детективные организации не раз принимали участие в стачколомстве.

Дело Андрея Салседо

В связи с этим не трудно проследить нити, ведущие к прошумевшему на весь мир делу Сакко и Ванцетти. В обувной индустрии в это время шла оживленная работа в смысле создания передовых профессиональных союзов. Сакко и Ванцетти принимали самое деятельное участие в этой работе. Владельцы фабрик все это знали, поэтому надеялись, что от всех этих зачинщиков и бунтовщиков и следа не останется после того, как пройдутся палмеровские ребята ("бойс"). Случилось однако так, что ни Сакко, ни Ванцетти не попали в "невод." Оба они остались на свободе. Не такими счастливцами оказались их сотоварищи по работе, в частности — Андреа Салседо — земляк и соратник Сакко. Несколько месяцев палмеровские молодцы продержали Салседо без суда, в полной изоляции в здании министерства юстиции на Парк Роу в Нью Иорке. Каким пыткам подвергался Салседо, известно только тем, кто имел над ним власть. Чего требовали от него и что он сказал, остается до сих пор тайной. По словам Палмера, Салседо был арестован, как нежелательный иностранец, но обращались с ним, как с лицом, причастным к вышеотмеченной истории с бомбами. Известно лишь, что Сакко несколько раз, в связи с этим делом, ездил в Нью Иорк, чтобы чем-либо облегчить участь арестованных (вместе с Салседо на Парк Роу содержался некоторое время Роберт Элиа). Известно также, что Сакко и Ванцетти способствовали устройству митингов протеста, на которых иногда сами выступали. Даже в момент ареста в их карманах были обнаружены летучки с призывом на один из таких митингов.

По газетным сообщениям Салседо покончил самоубийством, выбросившись на мостовую из 14 этажа здания м-ва юстиции. Было ли это самоубийство или же убийство, — до сих пор не раскрыто. Но тот факт, что оно произошло в тот самый день, когда были арестованы Сакко и Ванцетти заставляет думать, что между этими двумя событиями есть тесная связь. Судьба Сакко и Ванцетти, повидимому, уже была предрешена во время допросов Салседо. Возможно, что Салседо ничего не хотел сказать о своих товарищах, и его за это вытолкнули в окно, возможно также, что он сказал все, что знал о них, и с ним расправились, как со "все знающим." Но нет сомнения, что дело Сакко и Ванцетти неотделимо от дела Салседо, а дело Салседо неотделимо от Палмеровских погромов. Страшная трагедия, закончившаяся печальным финалом в 1927 г. зародилась, повидимому, еще тогда, когда формировался крестовый поход против иностранцев. Почему же, однако, Сакко и Ванцетти не причислили к "нежелательным иностранцам," почему их казнили за преступление, не имеющее никакого отношения к политической области, — придется об этом рассказать когда-либо в другой раз.

Итак, главная цель "палмеровщины" — заманчивое президентское кресло в Белом Доме. Представители наиболее реакционного течения в стране, во главе с несколькими сенаторами, внушили Палмеру мысль, что если создать страшную опасность для страны и если эту опасность одним взмахом обезглавить, то вход в Белый Дом будет так же легок и торжественнен, как вход Иисуса в Иерусалим. Возможно, так оно и было бы, если бы опасность, в самом деле, существовала, или если бы Палмер в своем рвении не хватил через край. Дикое и жестокое обращение с людьми, ни в чем неповинными, при помощи частного сыска, открыло многим глаза. Некоторые узрели в этом обыкновенное дон-кихотство, т. е. слишком усердную борьбу с несуществующей опасностью, другие же, более серьезные, посмотрели на это, как на угрозу, если не благополучно, то престижу страны. В числе последних оказался и автор книги "Депортационные бредни" — Л. Ф. Пост, подробно описавший все беззакония "палмеровщины." Найдется ли в наше время такой человек и расскажет ли он, чем именно руководится Мэк-Карти?

Колокольцев

К ВОПРОСУ О НАШЕЙ ТАКТИКЕ

Тактические вопросы, т. е. вопросы о средствах и методах борьбы за достижение определенного идеала, всегда порождали среди его сторонников те или иные разногласия, раздоры и часто являлись источником неизбежных расколов. Несмотря на это, многие социалистические и коммунистические партии все еще продолжают иметь давно выработанную, готовую тактику. Социалисты, как известно, стремятся к достижению социализма мирным путем, добиваясь разных реформ в рамках капиталистического строя, а коммунисты — революционным путем, добываясь захвата власти и установления диктаторского режима; их тактика соответствует их идеологии, не допускающей свободной критики и свободного выбора методов борьбы. Анархисты же, выступая против схематичности и однообразности тактики, не навязывают своим последователям готовых методов борьбы. Считая тактику сложной проблемой, допускающей различные решения, они защищают свободный выбор тех или иных методов борьбы и ведут свою деятельность, согласно принципам, не противоречащим анархизму. Эта деятельность может быть мирной или культурной, боевой или революционной — в зависимости от переживаемого времени, от общего положения данной страны, от самих анархистов.

Мы знаем, что анархическое движение разных стран в настоящее время очень слабо и распылено по многим причинам, среди которых раздоры по спорному организационному вопросу занимают далеко не последнее место. Но вследтсвие этого анархисты, учитывая теперешний слабый период анархического движения, должны подготовить себя к грядущей борьбе и определенно решить, хотя бы самые главные, вопросы своей тактики.

Известно, что все анархисты, несмотря на различные взгляды, согласны в своей конечной цели — осуществление анархического идеала. Но как придти к этой заветной цели? Какие средства и пути следует избрать в борьбе за анархизм? Какие методы борьбы больше всего вызывают тревогу и страх в лагере капиталистов и религиозных мракобесов, с одной стороны, а с другой — наибольший прилив сил и воодушевления в трудовых массах? Как двинуть широкие массы народа на борьбу против власти капитала и религии за свободный анархический строй жизни?

Присматриваясь к рабочему движению, мы видим, как все чаще и чаще происходят столкновения между рабочими и капиталистами на почве борьбы за улучшение экономического положения рабочих, или из-за стремления капиталистов и их прислужников ухудшить это положение. Это, разумеется, самые обыкновенные проявления классовой борьбы, не выходящие из сферы повседневных мелких интересов враждебных классов. Такие стычки между трудом и капиталом, в силу противоречивых интересов борющихся сторон, таят в себе здоровый зародыш классовой борьбы. Классовый же характер борьбы есть залог расширения её до размеров всеобщей стачки. Современное капиталистическое общество устроено так, что рабочие одной фабрики, например, выступая против своего хозяина, так или иначе затрагивают интересы капиталистов, как класса. А там, где капиталистической системе угрожает опасность быть ослабленной, на арену борьбы выступает ее защитница— власть, благодаря чему борьба доходит до всеобщей стачки, часто вызывающей у рабочих надежду на полное освобождение от экономического и политического гнета.

В такие серьезные моменты борьбы анархисты должны быть на своем посту, направляя свои усилия к тому, чтобы случайные столкновения труда с капиталом и властью превратить в непосредственную социальную борьбу, придав ей принципиальный характер. Иначе говоря, борьба за анархический идеал должна занять главное место. Анархисты должны непрестанно указывать рабочим и крестьянам, что борьба за мелкие или будничные интересы в рамках капиталистического строя еще не уничтожает в корне последнего и что конечная цель безвластия — полное экономическое и политическое освобождение. Анархисты, понятно, не могут быть против конкретных политических и экономических улучшений рабочих, а лишь против притупления их боевого классового сознания и мещанского чувства удовлетворенности мелкими, частичными победами. Они всегда должны обращать внимание рабочих на продолжение борьбы до полной победы. Анархическая тактика должна быть направлена не только против капитала и власти , но и против религиозного дурмана, держащего трудовой народ в невежестве и страхе.

Еще одним важным и необходимым при-

емом борьбы должно быть выступление анархистов против всяких диктаторских вожделений политических и коммунистических партий и их лидеров. Предупреждая рабочих о грозящей им опасности в случае победы новых властителей и диктаторов, надо при этом непременно ссылаться на опыт "диктатуры пролетариата" в России, ибо опыт этой диктатуры доказал правильность анархической истины, что если в процессе борьбы рабочие отдадут свою судьбу в руки хотя бы самой революционной политической партии для создания прославленной "диктатуры пролетариата," то борьба окажется бесплодной и диктатура из орудия борьбы против буржуазии превратится в орудие против пролетариата и всего народа. Опыт этой диктатуры доказал правильность и другой истины, что социально-экономическое освобождение есть основа подлинного освобождения, а замена одной власти другой есть обман, раз трудящиеся не могут пользоваться всеми материальными и духовными благами своей победы. Пользоваться же ими они смогут лишь после упразднения власти во всех ее видах и формах и установления свободных коммун на началах безвластия, кооперации и справедливости.

Все сказанное в отношении анархической тактики должно быть отнесено к тем странам, в которых развито анархическое движение. Что же касается анархического движения в США вообще и русского в частности, то надо признать, что русское анархическое движение есть незначительная часть пока еще очень слабого американского анархического движения и что анархизм в Америке будет пользоваться успехом лишь тогда, когда за дело его распространения возьмутся коренные американские рабочие, без содействия которых эмигрантские анархические элементы, как бы революционно они ни были настроены, сами совершенно бессильны обеспечить победу анархического идеала. Американские же рабочие, несмотря на свои мощные профессиональные организации, психологически не подготовлены к активной социально-политической борьбе; они далеки и от восприятия анархических идей. Для преодоления этого требуется развитие их классового и революционного сознания, создание широкого общественного настроения в пользу анархического идеала и проявление усиленной деятельности всех анархических и родственных им организаций, стремящихся к созданию свободного социального строя.

Следует еще указать на некоторую оторванность русского анархического движения за рубежом от социально-политических вопросов текущей действительности. Многие анархисты по сие время верят, что анархизм по своей идеологии аполитичен. Неполитичность анархистов приводит, однако, к тому, что всякая политическая борьба считается уже "политикой" и, ограничиваясь своей абстрактной верой в свободу и счастье человечества, анархисты проходят мимо самых жгучих актуальных моментов борьбы труда с капиталом и властью, не считаясь с тем, что борьба против последних и есть та важная политическая борьба, которая как бы обязывает их принимать в ней то или иное участие. Следует, конечно, игнорировать "политику" разных политиканов и демагогов, стремящихся использовать трудовые массы в своих личных или партийных интересах, но надо помнить, что подлинное освобождение трудового человечества неразрывно связано с его социально-политической борьбой, в которой все анархисты, без различия языка и происхождения, должны принимать активное участие.

При этом следует также заметить, что, считаясь с важностью анархической пропаганды на родном языке, надо поддерживать и английские анархические издания, вступать членами в анархические группы и стремиться к объединению всех разноязычных анархических групп в одну Интернациональную Федерацию с целью широкого распространения анархических идей. Ибо только в массовом анархическом движении можно черпать силы и надежды на успешное развитие анархизма.

Дело анархизма есть дело трудового человечества: рабочих, крестьян, сознательной интеллигенции и всех обездоленных и угнетенных. Методы и цели анархической тактики надо определить так: пробуждение революционного сознания трудящихся; объединение анархистов; борьба против власти, капитала, церкви и их защитников; передача частной собственности в общее достояние рабочих союзов и свободных коммун.

Л. Липоткин

Остерегайтесь книжников, которые любят ходить в длинных одеждах и любят приветствия в народных собраниях, председания в синагогах и предвозлежаная на пиршествах, которые поедают домы вдов и лицемерно долго молятся: они примут тем большее осуждение. — *Лк. 20:46, 47.*

ВЗАИМОПОМОЩЬ, КАК ОСНОВА ЖИЗНИ*

Новейшая эпоха европейской истории ознаменовалась чрезвычайным развитием государственной власти, которая с величайшим недоверием отнеслась ко всяким самостоятельным общественным организациям, в том числе и к организациям взаимопомощи. Деревенская община во всех европейских государствах должна была пережить периоды жесточайших преследований ,в результате которых мы теперь имеем лишь жалкие остатки тех организаций, которые когда-то чуть ли не сплошной сетью покрывали всю Европу и которые собственными силами совершили огромную культурную работу. И, тем не менее, многочисленные приемы и учреждения взаимной помощи сохранились до настоящего времени от этих нелюбимых буржуазным обществом деревенских общин. Из разнообразных примеров, указанных П. А. Кропоткиным в своей работе, мы приведем здесь только отрывки из одного письма о современной французской деревне... Напомним только предварительно, что деревенская община во Франции подвергалась в течение долгого времени самому свирепому преследованию со стороны правительства.

"В некоторых общинах, соседних с нашей," — говорится в этом письме, написанном человеком серьезным и уравновешанным и вместе с тем хорошим знатоком французской деревенской жизни, — "сохраняется в полной силе старый обычай l'emprount. Когда на ферме требуется много рук для быстрого выполнения какой-нибудь работы — выкопать картофель ,или выкосить луга, — созывается соседская молодежь; собираются парни и девушки, весело и бесплатно выполняют работу, а вечером, после веселого ужина, молодежь устраивает танцы.

"В тех же деревнях, когда девушка выходит замуж, соседские девушки собираются у нее шить ей приданное. В некоторых деревнях женщины до сих пор усердно прядут. Когда наступает время размотки пряжи в какой-нибудь семье, работа эта производится в один вечер при помощи приглашенных соседей. Во многих общинах Арьежа, и в других юго-западных местностях, шелушенье кукурузы также выполняется при помощи всех соседей. Их угощают каштанами и вином, и молодежь танцует по окончании работы. Тот же обычай практикуется при выделке орехового масла и для трепания конопли. В общине Л. тот же обычай соблюдается при возке хлеба. Эти дни тяжелой работы становятся праздниками, так как хозяин считает своею честью угостить добровольцев хорошим обедом. Платы не полагается никакой: все помогают друг другу.

"В общине С. площадь общинных выгонов каждый год увеличивается, так как в настоящее время почти вся земля общины поступила в общее пользование. Пастухи выбираются всеми владельцами скота, включая и женщин. Быки — общинные.

"В общине М. маленькие стада овец, в 40-50 голов, принадлежащие общинникам, собираются в одно стадо, и затем делятся на три или четыре стада, прежде чем гнать их на горные луга. Каждый владелец остается в течение одной недели при стаде, в качестве пастуха.

"В деревне С. несколько домохозяев купили сообща молотилку; все семьи сообща поставляют тех человек 15 или 20, которые нужны при машине. Три других молотилки, купленные домохозяевами той же деревни ,отдаются ими на прокат, но работа при этом выполняется другими посторонними помощниками, приглашаемыми обычным путем.

"В нашей общине Р. нужно было возвести стену вокруг кладбища. Половина суммы, требовавшейся для покупки извести и для платы опытным рабочим, была дана окружным советом, а другая половина была собрана по подписке. Что же касается работы по доставке песка и воды, замешивания извести и подручных для каменщиков ,то все это было выполнено добровольцами. Деревенские дороги чинятся тоже доборвольным трудом общинников. Другие общины таким образом устроили у себя фонтаны. Пресс для выжимания виноградного сока — и другие, более мелкие приспособления — часто бывают общинною собственностью.

"В Сент Ж. очень мало крестьян страхуются на случай пожара. Когда же случается пожар— как это было недавно, — все дают что-нибудь пострадавшей семье: котел, простыню, стул и т. п., и таким образом скромное хозяйство вособновляется. Все соседи помогают погоревшему отстроить дом, а семья временно помещается бесплатно у соседей..."

Конечно, все приведенные факты — факты мелкие, как мелка и сама повседневная, будничная жизнь, но тем не менее они выпукло обрисовывают ту потребность во временной помощи, которую постоянно и при самых разнообразных условиях испытывает даже и французское крестьянство, столь известное своим индивидуализмом, по крайней мере, в настоящее время. Само собою разумеется, что факты подобного рода в бесчисленном количестве встречаются и среди крестьянства других стран. В самое последнее время потребность в деятельной взаимопомощи нашла себе яркое выражение в быстром росте кооперативных организаций, которыми в изобилии покрывается вся Европа и которые в огромном количестве проникают и в область производства, и в область потребления, и в область сбыта, и в область кредита. Не менее поучительными

* См. начало в № 43 "ДТП."

с точки зрения взаимной помощи являются рабочие союзы, выступившие на место средневековых гильдий. Особенно поучительными в этом отношении являются наиболее критические моменты в жизни рабочей массы, к каковым относится всякая сколько-нибудь затянувшаяся стачка. "Каждый год в Европе и Америке бывают тысячи стачек и массовых увольнений с работы, — при чем особенной суровостью и продолжительностью отличаются так называемые стачки "по симпатии," вызываемые желанием поддержать выброшенных с работы товарищей, или отстоять права рабочих союзов. И в то время, как реакционная часть прессы склонна объяснять стачки "устрашением," люди живущие среди стачечников, с восхищением говорят о практикуемой между ними взаимной помощи и поддержке. Многие, вероятно, слыхали о колоссальной работе, выполнявшейся рабочими-добровольцами для организации помощи и раздачи пищи во время последней большой стачки лондонских доковых рабочих; или о рудокопах, которые, побывши сами без работы в течение многих недель, тотчас начали делать взносы, в размере 4 шиллингов в неделю, в стачечный фонд, как только опять стали на работу; или о вдове рудокопа, которая во время иоркширских рабочих волнений 1894 г. внесла все сбережения своего покойного мужа в стачечный фонд; о том, как во время стачки последний кусок хлеба всегда делился между соседями; о редстокских рудокопах, обладающих обширными огородами, которые пригласили 400 бристольских сотоварищей брать с их огородов капусту, картофель и т. д." Еще больше элементов взаимной и чисто самоотверженной помощи представляет поле социалистическиой борьбы, особенно при некоторых условиях политической и бытовой обстановки. Чтобы не быть голословным, я позволю себе на минуту отступить от изложения работы П. А. Кропоткина и привести несколько строк из сильного очерка Вл. Войтинского, перенесшего еще недавно всю тяжесть современной политической каторги ("Р. Бл." 1913 г. № 7 "Призраки"). Развернув перед читателями несколько страничек из своей скорбной жизни, он оканчивает свою статью такими словами:

"Вот прошли передо мною опять призраки последних лет. Призраки смерти, скорби и муки.

"Прошли они опять передо мною. И зовут они меня к борбе, к жизни, к радости.

"К жизни, к борбе, к бодрой вере и радости зовет меня образ добровольной Голгофы. К вере и к радости зовут меня и те вечные ниши, которые в муке спасают жизнь мира, и тот образ чистейшей красоты и любви, который всегда ярче горит в моем мире грез и видений.

"Пусть толпятся вокруг меня бледные призраки отчаяния и гибели!

"Я был с вами, делил с вами вашу тяжелую долю и вновь разделю ее, когда того захочет судьба.

"Но теперь ничто ни на миг не заглушит те гимны, что поют мне синее небо и занесенные снегом леса и быстрые струи сибирской реки.

"Ибо с каторги вынес я на волю прекрасные, как солнце, образы красоты и любви. И они-то зовут меня к счастью и к работе, они и зажгли вокруг меня блестящие звезды, которых не было раньше на моем пути, они и наполнили мир для меня теми звуками, гармония которых раньше была нема для моего сердца..."

Какой же силой самоотвержения должны были обладать эти люди, которых встретил автор в русской каторге; каким могучим порывом к жизни, полной борьбы за счастье других, обладали они, если в такой ужасной обстановке они способны были зажечь такой бодрый огонь в душе истомившегося человека. И разве их безграничное самоотвержение не было высшим проявлением того инстинкта к помощи другим, который заложен в душе живых существ еще задолго до появления человечества?

Но и за пределами узко-экономических задач и за горизонтом социальной борьбы, элементы взаимной помощи широко рассеяны в современной жизни, по крайней мере, там, где этому инстинкту условиями самой жизни дается волей-неволей широкое применение, т. е. главным образом в среде бедноты, жизнь которой без элементов взаимной помощи становилась бы совершенно невозможной.

"При современной ситеме общественной жизни все узы единения между обитателями одной и той же улицы или соседства исчезли. В богатых кварталах больших городов люди живут рядом, даже не зная, кто их соседи. Но в тесно-населенных улицах и переулках все прекрасно знают друг друга и находятся в постоянном соприкосновении. Конечно, в переулках, как и везде, дело не обходится без мелочных ссор, но вместе с тем вырастают и группировки, соответственно личным склонностям, и в пределах этих группировок практикуется взаимная помощь в таких размерах, о которых более богатые классы не имеют и представления. Если, напр., мы присмотримся к детям бедного квартала, играющим на лужайке, на улице или на кладбище, мы тотчас заметим, что между ними существует тесный союз, несмотря на случающиеся драки, при чем этот союз предохраняет детей от множества всяких несчастий. Стоит какому-нибудь мальчику наклониться с любопытством над открытым отверстием водосточной трубы,—и товарищ по играм уже кричит ему: "Уходи — там в дырке сидит лихорадка!" — "Не лезь через эту стену; если

упадешь на ту сторону, поезд раздавит тебя!" — "Не подходи близко к канаве!" — "Не ешь этих ягод: яд — умрешь!" Таковы первые уроки, получаемые малышем, когда он присоединяется к товарищами на улице. Сколько детей, местом игр которых служат улицы возле 'образцовых рабочих жилищ,' или набережные и мосты каналов, погибли бы под колесами телег, или в мутной воде кналов, если бы между детьми не существовало этого рода взаимной помощи! А если какой-нибудь мальчуган все-таки попадет в неогороженную канаву, или девочка свалится в канал, то уличная орда малышей поднимает такой крик, что все соседство сбегается на помощь.

"Затем идет союз матерей. — 'Вы не можете себе представить,' — писала мне (говорит Кропоткин) недавно одна английская женщина-врач, живущая в бедном квартале Лондона, — 'как много они помогают друг другу. Если какая-нибудь женщина не приготовила, или не могла приготовить нужного для ожидаемого ребенка, — а как часто это случается! — то все соседки приносят что-нибудь для новорожденного. В то же самое время одна из соседок всегда берет на себя заботу о детях, а другая о хозяйстве, пока роженица остается в постели. Это обычное явление, о котором упоминают все, кому приходилось жить среди бедняков в Англии. Тысячами мелких услуг матери поддерживают друг друга и заботятся о чужих детях...'

"Смотреть за больным соседом или соседкою, без цели какого бы то ни было вознаграждения — общее правило среди рабочих," — пишет П. А. Кропоткину другая его кореспондентка. — "Равным образом, когда женщина, имеющая маленьких детей, уходит на работу, за ними всегда присматривает одна из соседок. Если бы рабочие не помогали друг другу, они совершенно не могли бы существовать. Я знаю рабочие семьи, которые постоянно помогают одна другой — деньгами, пищей, топливом, уходом за маленькими детьми, в случаях болезни и в случаях смерти в семье..." И, действительно, беспрерывные мелкие одолжения, незначительные, кратковременные займы, взаимные подарки, благотворительность хотя бы в самых скромных размерах, — все это в общей сумме дает огромное количество материальных средств, передвигаемых в интересах взаимной помощи, под давлением того расположения к людям, которое известно под именем 'доброго сердца.'

"Великое значение начала взаимной помощи выясняется, однако, в особенности в области этики, или учения о нравственности. Что взаимная помощь лежит в основе всех наших этических понятий—достаточно очевидно. Но каких бы мнений мы ни держались относительно первоначального происхождения чувства или инстинкта взаимной помощи — будем ли мы приписывать его биологическим или сверх-естественным причинам, — мы должны признать, что проследить его существование возможно уже на низших ступенях животного мира, а начиная с этих стадий, мы можем проследить непрерывную эволюцию через все классы животного мира и, несмотря на значительное количество противодействующих закону взаимопомощи влияний, через все ступени человеческого развития, вплоть до настоящего времени. Даже новые религии, рождающиеся от времени до времени — всегда в эпохи, когда принцип взаимопомощи приходил в упадок, в теократиях и деспотических государствах Востока, или при падении Римской империи, — всегда являлись только подтверждением того же самого начала. Они находили своих первых последователей среди смиренных, низших, попираемых слоев общества, где принцип взаимной помощи является необходимым основанием всей повседневной жизни; и новые формы единения, которые были введены в древнейших буддистских и христианских общинах, общинах моравских братьев и т. д., приняли характер возврата к лучшим видам взаимной помощи, практиковавшимся в древнем родовом периоде."

Каждый раз, однако, когда делалась попытка возвратиться к старому принципу, его основная идея расширялась. От рода она распространялась на племя, от федерации племен она расширялась до нации и, наконец, — по крайней мере, в идеале — до всего человечества. В то же самое время она постепенно принимала более возвышенный характер. В первобытном христианстве, в произведениях некоторых мусульманских вероучителей, в ранних движениях реформационного периода и в особенности в этических и философских движениях XVIII века и нашего времени, все более и более настойчиво отмечается идея мести или "достодолжного воздаяния" — добром за добро и злом за зло. Высшее понимание: "никакого мщения за обиду" и принцип: "Дай ближнему, не считая больше, чем ожидаешь от него получить" — провозглашаются, как действительные принципы нравственности, как принципы, стоящие выше простой "равноценности," беспристрастия и холодной справедливости, — как принципы, скорее и вернее ведущие к счастью. И человека призывают руководиться в своих действиях не только любовью, которая всегда имеет личный, или в лучших случаях, родовой характер, — но понятием о своем единстве со всяким человеческим существом.

"В практике взаимной," — заканчивает свою книгу П. А. Кропоткин, — "помощи, которую мы можем проследить до самых древних зачатков эволюции, мы таким образом находим положительное и несомненное происхождение наших этических представлений, и мы можем утверждать ,что главную роль в этическом прогрессе человека играла взаимная помощь, а не взаимная борьба. В широком распространении принципа взаимной помощи, даже и в настоящее время, мы также видим лучший задаток еще более возвышенной дальнейшей эволюции человеческого рода."

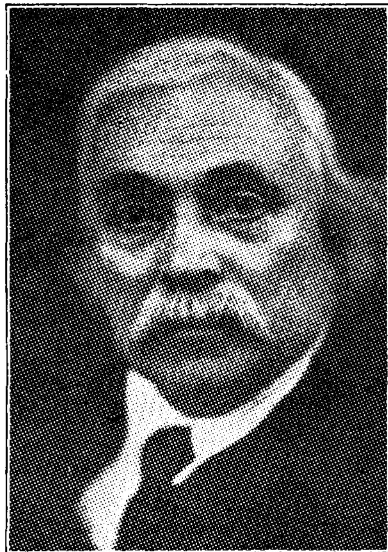
Проф. В. Тотомианц

ЖАН ГРАВ

(К 100-летию дня рождения)

Детство и юность

Жан Грав родился осенью 1854 г. а умер в 1940 г. Он, как и Прудон, достиг того, что отличает образованного человека от необразованного, исключительно путем самообразования. Э. Реклю рассказывает, что в мастерской, где Грав работал в качестве сапожника,

ЖАН ГРАВ

всегда можно было видеть книги, лежавшие рядом с инструментами. Молодой Грав ни одной минуты не терял зря: как только являлась возможность — он погружался в книги. Конечно, страсть к самообразованию присуща многим, но успевают на этом поприще лишь те личности, которые награждены исключительными природными дарованиями. Жан Грав был одним из таких счастливцев.

Детство Жана Грава ничем не отличается от детства обыкновенного рабочего. Родители его принадлежали к беднейшему слою населения. Несмотря на то что его отец много и тяжело работал, но заработка на прокормление семьи не хватало. Помогать отцу вынуждена была мать, нанимавшаяся время от времени в прачки. В семье царила мрачная, безотрадная атмосфера. Уже одного этого было достаточно, чтобы настроить душу маленького Жана на "осенний" лад. Последовавшая вскоре смерть матери, а затем сестры — лишь усилили удручающую картину. С малых лет Граву пришлось зарабатывать себе на пропитание. Не избежал он и солдатчины, которую потом описал в одном из своих романов. Начало общественной деятельности Грава едва ли не находится в прямой связи с Парижской Коммуной. Когда Грав возвратился с военной службы, — в Париже шла усиленная кампания за освобождение коммунаров. Кампания захватила значительную часть молодежи. Один за другим начали создаваться кружки, включавшие в свою программу, помимо требований амнистии, вопросы о самообразовании. Душою одного из таких кружков оказался Грав. Здесь он познакомился с анархизмом и начал сотрудничать в некоторых анархических органах. Путем переписки, а затем личных встреч Грав познакомился со многими анархическими деятелями, в том числе и с Кропоткиным, только что основавшим печатное дело в Швейцарии. Кропоткин всячески поощрял Грава, как в смысле сотрудничания в анархических изданиях, так и в смысле самообразования. Грав ко всему отнесся весьма серьезно.

Из всей своей многолетней жизни — свыше 60 лет посвятил Грав на служение анархизму. В этом отношении он не имеет себе равных. Никто столько не потрудился на ниве Анархии. Работа Грава сводилась главным образом к выполнению редакторских обязанностей. Он редактировал многие анархические издания. Если принять во внимание, что Грав начал свою литературную деятельнсть при полнейшем игнорировании, как замечает Кропоткин, знаков препинания, то не трудно убедиться, какую огромную работу над собой ему пришлось проделать, прежде чем достичь положения опытного редактора. От незнания, где ставить запятую, до искусного редактора — дистанция огромного размера.

Вошел Грав во святая святых редактора случайно, совершенно не думая об этом и не стремясь к этому. Когда французские власти в 80 гг. прошлого столетия арестовали Кропоткина, то основанный им (Кропоткиным) в Швейцарии печатный орган начал испытывать острую нужду в людях, как выполняющих технические обязанности, так и несущих редакторскую ответственность. Решено было несколько человек перевести из типографии в редакцию, а на их

место пригласить из Парижа молодого Грава и еще кого-либо. Грав приглашение принял и вполне оправдал возлагавшиеся на него надежды: в сравнительно короткий срок он полностью усвоил типографическое искусство. Вскорости после этого одному из работавших в редакции нужно было уехать заграницу для восстановления здоровья. Граву пришлось временно, как полагали, сесть за редакторский столик. Это "временно" растянулось на десятки лет. Со своей новой ролью Грав так же быстро освоился, как и с типографским ремеслом. Он повел дело так успешно, что даже после того, как Кропоткин, отсидев срок заключения, вышел из тюрьмы, — вопрос об освобождении Грава от должности редактора никогда не поднимался. До самой войны (1914 г.) Грав продолжал редактировать один из самых распространенных анархических органов.

Редакторская деятельность

Всякий редактор, независимо от того, какой орган — консервативный или революционный — он редактирует, создает себе много друзей и доброжелателей, и почти столько же недругов и противников. Не оказался исключением и Жан Грав. Будучи до конца откровенным, прямым и бескомпромиссным, он отказывался помещать в редактируемом им органе все то, с чем он не соглашался. С одной стороны, это придавало органу стройность, слаженность и гармонию, с другой — увеличивало количество недовольных, если не самим органом, то его редактором. В период расцвета, когда все представляется в розовом свете, на подобные трения обычно не обращают внимания. "Обойдемся и без вас" — обыкновенно думают тогда о недовольных. Но когда расцвет сменяется увяданием и движение начинает идти на убыль, — вред от междоусобицы становится очевидным. Деятельность Грава почти до самой войны протекала в обстановке расцвета анархического учения. На анархизм смотрели, как на самое молодое социальное течение, долженствующее вытеснить все прежние общественные идеи и понятия. Даже социалисты допускали, что государство в конце концов очутится вместе с прялкой и бронзовым топором в музее. Даже Маркс соглашался, что в бесклассовом обществе не должно быть ни подвластных, ни властелинов. Словом, на горизонте маячила Анархия.

При такой широкой перспективе маленькая потеря в виде ухода одного или нескольких сотрудников казалась почти пустяком. Впоследствии Грав имел возможность убедиться в ошибочности подобного суждения. Незадолго перед смертью он написал статью "Неужели так надо?" В ней он подверг критике одну анархическую группу за то, что она большинством исключила из своих рядов меньшинство несогласных. В то время, когда Грав стоял во главе газети "Новые Времена," он этого не написал бы, ибо тогда девизом было: "Не соглашаетесь, — идите своей дорогой." Сплошь и рядом несогласные классифицировались, как еретики и предатели, чуть ли не подлежащие сметению с лица земли. Вспомним, что было здесь, в Америке, в нашем сравнительно небольшом анархическом движении... Сколько копьев ломалось на взаимные обвинения? Сколько раз, бия себя в грудь, произносилось: "Я — настоящий анархист, а вы — отступники." На этих же страницах утверждалось, что период "Рассвета" — период сознательного разложения анархизма. Это, конечно, преувеличение. Период "Рассвета" можно назвать периодом ошибок и заблуждений, но не периодом сознательного разложения анархизма. То же самое было, но в гораздо больших размерах, и во времена кипучей деятельности Жана Грава.

Граву пришлось быть свидетелем двух взлетов, проявившихся в анархическом движении: 1) расцвета теории личного действия, вплоть до террористических актов и 2) расцвета синдикализма. Как в одном, так и в другом случае Грав заявил себя противником. Особенно резко он отзывался об индивидуалистах. Все, что может быть худшего в анархизме, Грав приписывал индивидуалистам.

Отказ в напечатании материала инакомыслящих давал повод к утверждению, что орган, редактируемый Гравом, служит не делу анархизма, а личному делу Жана Грава. Подобные утверждения, однако, Грава мало смущали. "Говорите, что хотите, а я буду делать свое дело," — думал Грав, опираясь на такой авторитет, как Кропоткин.

Все это свидетельствует лишь об одном: всякое фракционное фехтование, всякое отклонение от общего к частному, в конечном итоге, никому пользы не приносит. Анархизм, как общественный идеал, гораздо шире, выше и глубже фракционных ответвлений. Даже такая величина, как Кропоткин, не может полностью совместить анархизм. Этот вопрос, пожалуй, лучше всех поняла Вольтерина де Клэйр, приветствовавшая

всех анархистов, — и Тукера, и Моста, и Кропоткина, и Толстого, и даже некоторые террористические акты анархистов романских стран. (Кстати, книга Грава "Умирающее Общество и Анархия" впервые была переведена с французского на английский язык Вольтериной де Клэйр.)

Жан Грав, не отличавшийся организаторскими способностями и не располагавший тем, что превращает человека в народного трибуна (Лассаль, Бакунин, Жорес и др.), на редакторском поприще оказался неистощимым и незаменимым. Как работник пера, он был настоящим кладом для анархического движения. Писал он легко, много и увлекательно. Чуть ли не каждый злободневный вопрос или поднимавшийся спор выливался у него в брошюры, а из брошюр и журнальных статей впоследствии составлялась объемистая книга. Написал Грав много книг — не только социально-политических, но и художественных. Чутье художника не чуждо было Граву. Он оставил после себя несколько романов и фантазий. Писал он также сказки для детей. Приключения легендарного "Ноно" — попытка пробудить в детских головках интерес к возвышенным идеям. (Это было в период успешной деятельности Франциско Феррера.) Кроме всего этого, Грав написал обширный труд, — историю анархического движения во Франции. Некоторые труды переведены на иностранные языки, в том числе и на русский. (К сожалению, на русский язык переведена лишь незначительная часть из всего написанного Гравом.)

Оптимизм

Грав всецело разделал точку зрения Кропоткина, сводящуюся к тому, что общество в силу хода вещей неизбежно придет к анархизму. Оно даже уже вступило в этот период... Все, чем держится современная общественная жизнь, — все это, по мнению Кропоткина — зачатки анархизма. Кропоткин не верил в возможность успешного устройства жизни путем насилия. Непрекращающиеся всевозможные "прорывы" в СССР подтверждают этот взгляд Кропоткина. Остается лишь эти основы очистить от тлетворного влияния капитализма. Впрочем, и ожидать долго не придется, ибо капитализм, в силу все того же хода вещей, обречен на неминуемую смерть. Жан Грав так и назвал свой первый крупный труд: "Умирающее Общество и Анархия."

К сожалению, оптимизм в данном случае оказался несколько преувеличенным. Что капиталистический строй болен, — в этом нет никаких сомнений. Но болезнь эта такая, что она не только не сводит в могилу того, кто ею болен, но, наоборот, заражает тех, кто, казалось бы, должен быть застрахован от всяких заболеваний. И в конце концов получается: больные продолжают жить, заражая здоровых. Этим и объясняется почти поголовный крах всех тех начинаний, которые по своим заданиям должны были ускорить смерть капитализма.

Разлагающий дух капитализма

Несколько раз основывавшиеся свободные коммунистические колонии гибли главним образом потому, что туда проникал насыщенный вредными микробами дух капитализма. Мы являемся свидетелями страшной агонии русского духоборчества в Канаде. Даже религия не могла застраховать духоборцев от разлагающего влияния извне. Духоборчество, как идея, сходит со сцены и сходит не под ударами кнута и насилия, а потому, что в его среду проник дух капитализма. Этой же участи подвергаются почти все кооперативные начинания. Если кооперативное дело в самом начале не погибнет, если оно пойдет успешно, то оно в конце концов разложится, т. е. превратится в чисто капиталистическое предприятие, с типичным учетом прибылей и потерь. От всякой идейности оно в конце концов отречется, как отрекался когда-то Петр от Христа.

Действует эта капиталистическая зараза не только на коллективы, но и на отдельные личности. В истории есть примеры, свидетельствующие о том, как иногда самые крайние идеалисты постепенно превращались в обыкновенных буржуа. Этой особенности капиталистического строя, — так сказать, своеобразной самозащиты,—многие противники капитализма долго не замечали. Агрессию капитализма они видели исключительно в грубой силе (армия, полиция и вообще весь государственный аппарат) и полагали, что если эту грубую силу хоть немного обуздать, то разлагающий капитализм очутится на мели, а все антикапиталистические силы начнут быстро расти и развиваться. Отсюда — предпочтение демократии... Дошло даже до того, что начали говорить о создании ячеек будущего общества в оболочке старого (теория синдикалистов). Действительность все это опрокинула, — и опрокинула во многих сучаях без вмешательства грубой силы. Капитализм показал, что он своим

ядом не хуже полицейской дубинки может все разложить и уничтожить.

В известной степени этому, конечно, способствует большевизм. Людям, очутившимся лицом к лицу с таким, можно сказать, неслыханным в истории чудовищем, как большевизм, вполне естественно прятаться за фалды капитализма. Некоторые идеалисты и общественные деятели (Ю. Делевский, напр.) искренне верят, что спасение человечества и всей цивилизации находится в руках капитализма. Грав, конечно, так не думал. Он отрицал капитализм, но и он опасность видел только в грубой силе. Этим, несомненно, объясняется его выступление на стороне Франции во время войны. Ему казалось, что грубая сила пруссачества неизмеримо опаснее грубой силы республиканской Франции, точно так же, как теперь некоторым кажется, что большевизм гораздо опаснее Запада.

Что лучше — внезапная смерть в пасти зверя или постепенное умирание от отравления — не станем разбираться в данном случае.

Жану Граву посчастливилось прожить свыше 20 лет после первой мировой войны, но это был уже не тот Грав. Он продолжал почти до самой смерти издавать журнал, но этот журнал не был похож на "Новые Времена" с его литературными приложениями и с его серийными выпусками анархической литературы. Война все перепутала, все перетасовала... Бодрому, ясному и здоровому анархическому движению, во главе которого шествовали — Кропоткин, Малатеста, Грав, Черкезов, Гильом, Кафиеро и др., не суждено было возродиться в виде того шумного потока, каким оно бушевало до войны. От "могучей кучки" остался (идейно) только Малатеста; остальные хотя и продолжали здравствовать, но былой идейной силы не имели. Это были Самсоны без волос... (На это следовало бы обратить серьезное внимание тем анархистам, которые готовы в случае войны шагать в ногу с армиями западных стран.) Что же из всего этого следует?

Прежде всего, это свидетельствует, что разоблачению подлежит не только грубая сила, присущая всякой власти, но и невидимый дурман, исходящий из загнившего капиталистического организма. Затем, на основании этого не трудно убедиться, что смерть возможна не только в физическом смысле, но и в духовном. Капитализм не проявляет большой прыти в отношении физического истребления инакомыслящих (как это делают большевики), но в отношении духовного калечения он не имеет себе равного. Все это должно быть учтено и принято во внимание всеми поборниками свободы и справедливости.

Опасения

В последние годы своей жизни Жан Грав увлекся своеобразным утилитаризмом, — преломлением всего сквозь призму выгоды и довольства .Он много писал, что главной задачей анархистов должна быть забота о том, чтобы население на другой день после революции ни в чем не испытывало острой нужды. В противном случае, утверждал Грав, разочарование в революции неизбежно. (Об этом же часто писал и Малатеста.) Опасения Грава, быть может, и основательны, но вместе с тем, они до известной степени преувеличены и, что важнее всего, они являются результатом несколько устаревшего взгляда на революцию. Революция, по этому взгляду, совершается сознательным меньшинством в пользу несознательного большинства. С государственной точки зрения здесь все в порядке вещей: власть захватывается меньшинством, затем издаются декреты, приказы и постановления, долженствующие облагодетельствовать население. Но с анархической точки зрения такое толкование революции — более чем спорно. Анархическая революция мыслится только в виде овладения населением всех рессурсов и средств производства. Конечно, весьма желательно, чтобы крестьяне завладели землею как раз в то время, когда на этой земле уже созрела пшеница. Но может получиться совсем иначе. Может случиться, что земля в момент захвата будет еще не вспахана и не засеяна. Думать, однако, что крестяне вследствие этого разочаруются в революции — нет оснований. Раз земля будет в их руках, то крестьяне будут вполне уверены, что через известный срок появится и хлеб, поэтому разочарованию все пути будут заказаны. То же самое случится и с городскими рабочими и со всей остальной частью населения. Недостаток в мелочах при наличии самого главного — не предлог для разочарования.

Можно было бы без особого труда доказать, что боязнь лишений и недостатков на другой день революции — результат неверия в творческие силы народа, но мы этого не станем доказывать, ибо хорошо знаем, что Грав не принадлежал к числу неверующих в способности народа. Заметим лишь — на худой конец, конечно, — что недостатки на

свободе — краше довольства в неволе.

Жан Грав не претендовал на титул философа или теоретика анархизма. Он довольствовался скромной ролью пропагандиста, а иногда и того меньше: комментатора. Он не создавал, не основывал, а лишь разъяснял и истолковывал анархические принципы. На ниве идейной Грав подобен сеятелю: он бросает уже готовые семена на уже готовую почву. Кто подготовил почву и кто приготовил семена, — не место говорить в данном случае; скажем лишь, что брошенные Гравом семена давали буйные всходы.

Главной заботой Грава было — чистота анархических идей. Тут он не давал никому пощады. За малейшее осквернение святыни он разражался длиннейшими проповедями. Особенно доставалось сторонникам так называемой свободной любви, а также лицам, полагавшим, что цель оправдывает средства.

Где находилась редакция?

Чтобы попасть к Граву в редакцию, нужно было, по заявлению Неттлау, превратиться в альпиниста: предстояло взбираться по крутым лесенкам, словно на Альпы. Редакция помещалась "под небом" — на чердаке (незадолго перед войной был снят нижний этаж); вся она была заставлена книгами, журналами и... цветами. (Грав любил цветы, что подтверждает и В. Тотомианц в своих воспоминаниях.) Среди этих книг, журналов, старых газет и цветов и создавались все те сокровища анархической литературы, которыми прославились конец XIX и начало XX веков. Конечно, Грав тут был не единственный. Принимали деятельное участие в этой работе и другие лица, — Элизе Реклю, например, не говоря уже о Кропоткине. Но тем не менее, главное зависело от Грава. Давать литературные приложения и издавать литературу сериями стало возможным только благодаря Граву, сочетавшему в себе и редактора и типографского работника. В случае надобности Грав оставлял в покое карандаш редактора и, как ни в чем не бывало, садился за наборную машину... Это характерная черта многих анархистов. С типографским делом знакомы были — Прудон, Тукер, Карелин, Беркман, Мост и многие другие анархисты. Это давало возможность издавать газету или журнал почти единолично. Эмма Гольдман, как бы шутя, говорит, что сколько в комнате было столов, — столько и редакций. Этот стол, поясняет Гольдман, — моя редакция, а этот — редакция Саши (Беркмана), а вот тот — редакция Ипполита (Ховелла).

Казалось бы, зачем столько изданий? Зачем распылять силы? Но опыт пропаганды показывает, что чем больше печатных органов, тем шире пропаганда.

Пропаганда всецело зависит от печатного слова, а печатное слово — от типографского искусства. Поэтому многие анархисты при первой же возможности старались не только изучить типографское дело, но и обзавестись хотя бы небольшой типографией. (Последним из могикан в этом отношении можно считать убитого в 1943 г. в Нью Иорке Карло Треска.)

Женева и Париж

Обыкновенно Грава считают "консервативным" анархистом. Это не совсем верно. Грав отдал дань бунтарскому духу. Это он бросил фразу: "Динамит вместо баллота." В Швейцарии Грав очень скоро пришелся "не ко двору." Его начали преследовать, грозил арест и закрытие газеты. Во Франции к тому времени у власти оказались те лица, которые играли на струнах либерализма. Последовала амнистия и некоторые другие льготы. Грав этим воспользовался и перенес издание "Револьте" из Женевы в Париж (будто бы без согласия некоторых швейцарских анархистов). Но и здесь дело не пошло гладко. Грав имел много неприятностей и столкновений с властями, даже отсидел некоторые время в тюрьме. К счастию, во Франции травля анархистов не зашла так далеко, как, скажем, в Америке, где за поступок одного человека все анархисты были поставлены вне закона. Свобода слова во Франции окончательно не была закована, поэтому Граву, в результате протестов со стороны некоторых ученых и писателей, удалось выйти из тюрьмы и занятся своим любимым делом — редакторством. Вероятно не многие знают, что в освобождении Грава принимал участие и будущий "тигр" — Клемансо. Да, Клемансо, как и некоторые другие государственные деятели Франции, в молодости был анархистом и энергично протестовал против преследований Грава.

Находился Грав в контакте с такими "властителями дум," как Эмиль Золя, Гюи де Мопассан, Виктор Гюго и др. Пропаганда велась не только при помощи пера, но и кисти. Выпуск репродукций картин, изображающих свободного человека на свободной земле, начал принимать все более систематический характер и не известно чем это

закончилось бы, если бы на полях Европы не загремели пушки.

Искусство и анархизм

Жан Грав, не преставая, доказывал, что так как искусство по своему назначению должно прославлять истину, то вместе с тем оно должно прославлять и анархизм, ибо истина и анархизм тождественны. Затем, с другой стороны, анархизм, ка учение о свободной личности со всей суммой проявлений личной инициативы, не может не импонировать служителям искусства. Одним словом, анархизм нуждается в искусстве, а искусство — в анархизме.

Война оборвала всю эту в высшей степени плодотворную работу Грава. Жизнь и деятельность Грава знаменательны во многих отношениях. Прежде всего, это пример, чего человек может достичь путем упорной работы над собой. Затем, это доказывает, на какую высоту человек может поднять ту идею, носителем которой он себя считает. Правда, созданное Гравом не исключительно результат его трудов. Тут заметна забота и работа Кропоткина. (В воображении русского читателя образ Кропоткина встает при чтении первых строк "Умирающего Общества и Анархии.") Но без таких лиц, как Грав, и Кропоткин не мог бы создать всего того, что он создал. Успешное распространение идей Кропоткина во Франции в значительной степени обязано Граву.

Завершая свой путь, Грав все чаще и чаще жаловался на то, что анархическое движение попало в руки измельчавших (как у Бальмонта) личностей. Это вполне понятно: кто мог сравняться с Кропоткиным? Привыкшему всегда чувствовать возле себя и за собой чуть ли не сказочного титана, — Граву после смерти Кропоткина все показалось слишком призрачным, серым и мелочным. Конечно, Грав совсем не это имел в виду. Своим сетованием он хотел подчеркнуть, что незначительность анархического движения послевоенного периода — результат деятельности лидеров, не достойных быть лидерами.

Заключение

Сетование Грава несколько преувеличено. Как бы ни было правильно утверждение, что личность играет важную роль в истории, но все же нельзя допустить, что личность — это Бог, для которого нет ничего невозможного. Способности человека, даже самого выдающегося, все же предельны. Массовое движение вспыхивает или угасает в силу многих причин. Воля отдельной личности — лишь один из факторов в этих взлетах и падениях. Отдельная личность может формулировать — более или менее удачно — тот или иной общественный идеал, и на этом ее роль, пожалуй, и заканчивается. Толстому не нужно было выступать на митингах с агитацией и проповедью своего учения: его учение само за себя говорило, то зарождаясь, то умирая, в зависимости от стечения обстоятельств. То же самое можно сказать об анархизме: его взлеты и падения зависят от многих причин, а не только от провозвестников. Придет время и маятник опять качнется в сторону широкого анархического разлива. Быть может, этот анархизм не будет похож на тот, выразителем которого был Грав. Это более чем вероятно. Эпоха рационализма в анархизме, повидимому, закончена. То, что так восхищало Кропоткина, Грава и др. анархистов конца XIX века, начинает тускнеть. Рационализм означает бесперекословную точность, которая, в свою очередь, означает наличие каких-то непреложных законов в развитии общества. Ход на основании непреложных законов — ход механический. Современный же человек не хочет быть винтиком в механизме, хотя бы и весьма похвальном. Современный человек хочет быть сознательной творческой личностью; он хочет творить, а не только нестись в потоке механического развития.

Автономов

Страсти, возбуждаемые войной, международная ненависть, благоговение перед военной славой, жажда победы для мщения заглушают народную совесть, превращают высшие общественные инстинкты в низменное, безрассудное себялюбие, ошибочно называемое патриотизмом, убивают любовь к свободе, доводят людей до подчинения тиранам и узурпаторам из-за дикого желания перерезать горло другим людям или из боязни, чтобы другие люди не пререзали горла им. Они так извращают религиозное чувство людей, что признанные последователи Христа благословляют от Его имени принадлежности убийства и грабежа и возносят благодарения князю мира за победы, при которых земля покрывается горами искалеченных трупов и печаль наполняет сердца неповинных людей. — *Генри Джордж.*

ПАМЯТИ УМЕРШИХ

ДОКТОР И. РУБИН

В Тель-Авиве 24 февраля 1954 г. умер от астмы др. Израиль Рубин (литературный псевдоним Рубцов). Родился он 12 июня 1890 года. Рубин давно болел. Говорили, что ходит он со смертью по улице. Но до последних дней душой оставался молодым и сильным.

Рубин — уроженец г. Вильно. С ранней юности влекли его к себе наука о человеке и общественная работа. В Иене он окончил психологически-философский факультет. Во всех его научных работах и в жизни его психологический подход к человеку опирался

Д-р Израиль Рубин

на основах анархизма. Он — талантливый ученый, большой фольклорист, творец новых слов и образов. Он был всегда горячим идишистом. Только в Израиле он научился иврину и овладел им в совершенстве. Писал на нем свои книги, преподавал в Учительской семинарии и был школьным инспектором.

Помимо книг, он написал большое количество статей в разные газеты и журналы на разных языках. Он был того мнения, что анархист должен работать на то, что объединяет людей, а не разъединяет и проводить везде и всюду идеи анархизма.

Главнейшие его работы: "Мечта и Действительность." Воспоминания и психологические заметки о революционерах," "Психология Предательства," "Психология в Художественной Литературе," "Педагогика в руках государства," "Дневник Матери" и многие другие. "Психология детей в гетто" — его последняя работа, которую он не успел закончить.

Покойный оставил жену-педагога в Тель-Авиве и сына с внуками в кибуце.

ЭЛЕАЗАР ГИРШАУГЕ

На 42 году жизни в Тель-Авиве скоропостижно умер 8 мая 1954 года весьма активный в Израиле анархист — ЭЛЕАЗАР ГИРШАУГЕ, который еще недавно просил передать привет товарищам в "Дело Труда-Пробуждение" и очень извинялся, что не пишет. Элеазар—редкая личность по своей духовной красоте, активной любви к человеку, по своей мечте и борьбе за братство народов всего мира. Родился он в 1911 году в городе Варшаве в очень набожной семье. Дед у него был знаменитым раввином. До 17 лет он учился в эшиботе, затем произошел внутренний перелом и он оставил семью.

Элеазар Гиршауге

Подружившись с соседом-печатником, Элизар научился типографскому делу и стал профессиональным наборщиком на всю жизнь. Без всяких средств, но при железной воле он стал издателем анархической литературы в Израиле. Не только издавал, но сам много писал, набирал и распространял анархическую литературу.

С уходом из родного дома он испробовал разные работы, испытал много лишений и претерпел голодовки. В эти тяжелые времена он знакомился с социальными вопросами. Нужда еврейского рабочего и среднего сословия была большая. Он чувствовал национальное притеснение на своей шкуре. Он стал искать выхода, как еврей и революционер. Такую дорогу он нашел в анархо-синдикализме, которому остался верен до конца жизни. Здесь он проявил весь свой сильный характер и блестящие способности.

В 1936 году Дина Гусарская стала его верной подругой жизни. 18 лет прожили в совместной гармонической жизни. У них двое детей. Дочь названа Луизой в честь Луизы Мишель. Родилась она в Сибири, когда отец был на фронте, откуда прислал маленькой Луизе наилучший подарок. Он был не только в душе большим поэтом, но и писал стихи. Некоторые из них по своей лиричности и душевному складу напоминают стихи Луизы Мишель. В том же 1936 г.

в Варшаве Элеазар Гиршуге написал и издал свою книгу "Испытания на распутьи." Эта интересная книга вышла под его псевдонимом Эль Гаузер.

В 1939 году Элеазар и Дина стали искать спасения на советской территории. Там он немало настрадался морально и физически. Был в ссылке, был на Урале, работал в копях шахтером, рубил лес, голодал. Близко познакомился в советском строе с процессом превращения человека в раба. От этого он больше всего страдал. Прослужил два года в армии на самых опасных позициях. С армией вошел в Польшу с расшатанным здоровьем, истощенный и сломленный физически, отделенный от своей семьи, но душевно еще более крепкий в правоте своих идей.

С большим трудом удалось ему соединиться со своей семьей. Был в Германии. Очень много работал среди евреев, оставшихся в живых. Сделал все, чтобы самых бедных и больных одеть, обуть, накормить и лечить. Он был их лучшим защитником. Но от какого бы то ни было поста начальника наотрез отказался.

При необыкновенно остром жилищном кризисе в Израиле этот революционер и Человек, с большой буквы, нашел для жилья в предместьи Тель-Авива лишь конуру. Имея золотые руки, он превратил конуру в сносное жилище сознательного пролетария.

Ивритом он владел в совершенстве, но не меньше любил идиш — этот народный язык. В семье он говорил на идиш. Говорят на нем дочь и сын.

При помощи своей верной подруги жизни т. Гиршауге издал в прошлом году в Израиле на идиш свою интересную и ценную работу. По-английски эта книга называется: "Dream in Its Realization. The Anarchist Movement of Poland. Memoires and Comments."

В Израиле он видел и свет, и тени, но подчеркивал, что в Израиле перестал быть евреем и чувствовал себя только человеком.

В типографии, где работал Элеазар, один из рабочих оказался вором и лентяем. Конечно, все, кроме Элеазара, постановили уволить его. Элеазар восстал против этого. Он заявил, что с увольнением станет одним вором больше, который ничем иным и стать не сможет. Он взял его под свою опеку и стал за него работать. Настал день, когда вор и лентяй заявил, что ему стыдно, что за него работают. Элеазар ответил, что вот этого-то он и ждал. Благодаря стараниям Элеазара Израиль получил хорошего работника и честного человека.

У Гиршауге был какой-то особый подход к человеку-брату, ко всякому человеку. Невыразимо больно потерять такого человека. Он нашел уже вечный покой. Только дело всей его жизни надо продолжать.

Работают в Израиле 6 дней в неделю. По субботам, в единственный свободный от работы день, все замирает. В этот день трудно поехать куда-нибудь, а если поедешь, то заплатишь втридорога. Заработки же в Израиле небольшие. Элеазар не мирился с таким укладом жизни. Против этого он и писал свою последнюю статью. Жена Элеазара осталась с двумя детьми без всяких средств к жизни, а безработица — острая.

Не стало в Израиле двух наших товарищей ,но дело их жизни не умрет. **А. Ш.**

НИКОЛАЙ Е. НИКИТИН

В Детройте после продолжительной тяжкой болезни на 58-м году жизни скончался 17 июля 1954 года Николай Емельянович Никитин, уроженец деревни Седич, Старо-Быховского уезда, Могилевской губернии. Приехал он в Америку в марте 1914 года 18-летним юношей, которому, как и многим другим иммигрантам, пришлось пережить много тяжелых моментов при существовавших тогда суровых условиях жизни.

Во время первой мировой войны 1914-18 годов Никитин служил в американской армии и был отправлен на фронт в Европу, где принимал участие в боях и был ранен. Война со всеми ее ужасными последствиями в совокупности с весьма трудными условиями жизни в Америке вызвали в нем глубокие размышления, в результате которых он стал убежденным безвластником.

В начале 20-х годов Никитин принимал активное участие в общественной работе, состоял членом Профсоюза, группы "Волна," Интернационального Кооперативного Общества, где он выполнял ряд общественных функций — был заведующим ресторана, затем членом контрольной комиссии.

В середине 20-х годов была организована Инициативная группа по изданию журнала "Пробуждение," в которой Никитин состоял членом и активно работал, а по вечерам посещал частную русскую школу, чтобы пополнить свое образование. Он много читал и составил собственную большую библиотеку.

В молодые годы Никитин был чрезвычайно активным общественным работником.

Аккуратно и честно выполнял он всякие общественные поручения. На собраниях высказывал свои мысли коротко и ясно. От горячих или резких прений уклонялся, ибо считал препирательства бесполезным делом. За это он пользовался уважением всех, кто работал вместе с ним. По своей натуре он был человеком дела и не любил слушать пустословия. Характером он был мягок и добр, обладал исключительной силою воли, смелостью и всегда стоял в первых рядах там, где это нужно было. Принцип свободы, равенства и справедливости был для него руководящим началом во всей его общественной деятельности. Он готов был в любой момент пожертвовать собственной жизнью за то, что он считал справедливым делом, ради торжества его. Он часто подшучивал народной поговоркой: "Либо грудь в крестах, либо голова в кустах."

В конце 20-х годов Никитин женился, вскоре появились дети, о которых нужно было заботиться. Семейные заботы оборвали его общественную деятельность. Семья его была большая, а зарабатывал Никитин мало. Естественно, что бедность давала себя чувствовать, но он мужественно боролся с бедностью, насколько позволяли ему его силы. Ради детей он готов был работать до упаду, ибо были моменты буквального голодания. Добрые люди оказывали поддержку и с течением времени семь человек его детей окрепли и выросли. Казалось, что теперь он заживет радостной жизнью, но костлявая рука смерти оторвала его от семьи, от любимых и любящих детей, ради которых он многое претерпел.

Похоронили Николая Емельяновича 23 июля на Гефсиманском кладбище. На похоронах присутствовали все дети покойного и многочисленные друзья и знакомые по общественной работе. На гроб было возложено несколько венков от друзей и организаций. В похоронной процессии участвовало много автомобилей, в которых дети и друзья провожали покойного до места последнего упокоения.

Общественные деятели будут вспоминать покойного Н. Е. Никитина, как передового борца за свободу, равенство и братство, который отдал свои молодые годы служению идеалу безвластия. Будут помнить и вспоминать все, знавшие его, как добрейшего и справедливого человека. Свою жизненную миссию Н. Е. Никитин выполнин с честью до конца. Да будет тебе, дорогой товарищ, легка американская земля. *Н. Глушанин*

Атомное Оружие и Конгресс Анархистов Японии

В городе Нагасаки 9 августа около 12 часов дня зазвенели колокола, загудели сирены и в храмах начались служения в память погибших 70,000 человек от атомной бомбы, сброшенной американцами 9 августа 1945 г. В парке состоялась небольшая церемония. Мэр города прочел декларацию мира, и на свободу были выпущены "голуби мира." Так была отмечена в Японии девятая годовщина атомной бомбардировки, в связи с которой мы приводим ниже в сокращении резолюцию, принятую на съезде Федерации Анархистов Японии, на котором обсуждался вопрос об атомном оружии. Резолюция гласит:

Во время недавней второй мировой войны США сбросили первые атомные бамбы на Хирошиму 6 августа 1945 г. и Нагасаки — 9 августа. В одно мгновение сотни тысяч ни в чем неповинных мирных жителей были смертельно ранены или убиты и уничтожено всё живое. Несмотря на самооправдание, этот акт США должен быть осужден, как самый бесчеловечный и позорный в истории, не только японцами, подвергшимися атаке, но и всеми человеческими существами везде и всюду, которые верят в гуманность, справедливость и эволюцию человечества. Мы, жертвы этой жестокости, очень желаем, чтобы подобная катастрофа никогда вновь не опечалила человечество.

По-военная конституция Японии провозглашает вечный мир и навсегда упраздняет войну. Японские рабочие и крестьянские массы в течение 8 лет защищали эту конституцию и шли впереди движения за мир всего мира. Вопреки этому стремлению, США и СССР, будучи различны по своим идеологическим устремлениям и желая установить свое господство над миром, силятся увеличивать свои вооружения, в особенности соперничают они в производстве атомных и водородных бомб, и оба государства, употребляя силу и угрозу, стараются склонить на свою сторону различные страны и таким образом возбуждают антагонизмы между двумя блоками. США, принудившие Японию принять мирную конституцию, навсегда вычеркнувшую войну и вооружение Японии, стараются вместе с японским буржуазным правительством уничтожить эту конституцую и сделать Японию рабским орудием США в будущей войне. Но если новая война с атомными бомбами США и СССР возник-

нет, то несомненно, что большинство человечества погибнет.

Мы категорически против войны и вооружений, которые вредны для трудящихся масс Японии и которые нарушили бы принятую конституцию. Поэтому мы часто и горячо выражаем нашу оппозицию к вырабатыванию атомного оружия, которое может привести человечество только к гибели.

Японский народ, перенесший на себе испытания атомных бомб, призывает рабочие и крестьянские массы всего мира, всех, кто любит свободу и мир, не позволить вождям обоих блоков (США и СССР) ввергнуть человечество в новую мировую войну и не повторить тех мучений, которые претерпел японский народ, в особенности мы призываем к этому американцев и русских. Соедините вашу волю за мир и свободу и работайте с нами, чтобы остановить дикость и жестокость правителей.

Мы предлагаем объединить наши усилия для достижения следующих целей: 1) Народные массы должны дать отставку тем правительствам или властелинам, которые хотят управлять миром постоянной угрозой применения крайне жестокого орудия разрушения, вне зависимости от их идеологии или социального порядка; 2) Мы должны работать вместе, чтобы упразднить производство атомных бомб, а равно и экспериментирование с атомным оружием, употребляя атомную энергию для мирных целей на благо человечества. Если мы не достигнем наших целей, то все наши общественные идеалы, философия, искусство и вера исчезнут. Упразднение атомного оружия будет предшествовать всему, что правдиво, истинно и прекрасно.

Мы, как первая жертва атомного оружия, обращаемся к массам всего мира и через вас мы протестуем против президента США Эйзенгауера и премьера СССР Маленкова.

Конгресс Федерации Анархистов Японии

Самое важное в истории человека то, к чему он стремился. Все, совершенное им, всегда в значительной степени зависело от случайных обстоятельств и в лучшем случае являлось только далеко неполным исполнением его намерений. И жизнь всех величайших людей выражалась больше в их стремлениях и усилиях, чем в осуществлении этих стремлений, а потому справедливо оценивать их можно по их стремлениям и чувствам, а не по тому, что им удалось совершить. — *Джон Рескин.*

ОТРЕЧЕНИЯ

Работники правительственных учреждений, выполняющие заграницей те или иные (явные и тайные) задания своих правительств, ставят иногда последние в конфуз и замешательство: со всеми секретами они переходят на сторону противников. (Вспомните переход Растворова, Хохлова и других работников МВД или иных учреждений на сторону США и переход Понтекарво, Иона и т. д. на сторону большевиков.) Когда переход правительственного агента на службу противника становится совершившимся фактом, патронировавшее правительство испытывает маленькую неприятность.

Недавно (7 сентября) исчезли два американских техника — братья Старр, Вилиам и Джэймс, работавшие для американской электронной фирмы в западной зоне Берлина. Власти, конечно, предполагали, что их похитили большевистские агенты. А на деле оказалось, что братья Старр перешли на сторону большевиков, которые 24 октября устроили для перебежчиков большой прием.

Как водится в таких случаях, агенты, перешедшие на сторону противника, всячески чернили своих недавних патронов и восхваляли новых, которые чем-то очаровали и сконили их на свою сторону. Явно тенденциозные пропагандные заявления продажных агентов с обоих сторон уже набили оскомину.

Однако появились новые нотки, напоминающие истерическую эпоху сталинских чисток—партийного и государственного аппаратов, — когда дети арестованных родителей письмами в газеты отрекались от последних и даже требовали для них "высшей меры наказания." Заявления эти нас поражали своей нелепостью и "причудливостью," не говоря уже об безнравственности. Нечто аналогичное сталинизму начинает вспыхивать на американском горизонте.

Помнится, что *матери* 22 американцев, попавших в плен на Корейском фронте и *сагитированных дубьем и рублем на сторону большевиков,* выражали свои искренние удивления и сожаления, что их сыновья впали в заблуждение. Мать же берлинских перебежчиков, проживающая в Вествилле, Нью Джерзи, заявила, что отрекается от этих двух сыновей и что отрекаются от них и четыре других ее сына.

Повидимому веские причины побудили старушку Старр выступить с решительным осуждением, как от себя, так и четырех дру-

гих ее сыновей: они отреклись от перебежчиков, которые на другой стороне очевидно считают себя героями.

Неужели и Америка должна пройти через бесславные испытания большевизма?!

Прав журналист Эд. Морроу: надо бороться против "спящей демократии," ибо сон может привести страну к диктатуре. Не менее прав он и в том, что политика "закрытых уст" — боязнь высказаться по спорным вопросам и занять позицию в защиту правого дела, не пользующегося в данный момент популярностью, или отказ от участия в политической жизни страны — приведет последнюю к параличу и торжеству диктатуры.

Надо вести борьбу не только с идеологией диктатуры, но и против всякой несправедливости, откуда бы она ни исходила. Только высшие идеалы способны преобразить человеческую массу и сделать ее подлинной защитницей свободы и справедливости для всех. *Г.*

О САМООПРЕДЕЛЕНИИ

Статья Колокольцева "Самоопределение народов" (№ 42 "ДТП") сильно меня взбудоражила. Она умная, даже слишком умная, но исходит из буквы, а не из сути, поэтому и спорна. Очевидно автор ее — сын великой державы, сын большого народа, который никогда на своей шкуре не испытал ни национального гнета, ни национального унижения.

Никакого вреда никому не будет, если каждый народ будет иметь свою национальную независимость. От этого только великие державы станут менее великими, но зато будет больше национально-культурных ценностей. Если бы великая Англия поменьше опекала Португалию, — португальский народ проявил бы больше культурного и экономического творчества.

Согласна с Колокольцевым, что малые народы вместе с независимостью заражаются всеми болезнями великих держав. Одна из них, возможно, самая гнойная и позорная, это та, когда начинают притеснять народности, живущие у них.

Как литвинка, с большой болью в душе утверждаю, что в независимой Литве было очень много зла, но подчеркиваю, что с ним боролись лучшие люди Литвы. За 20 лет своего короткого независимого существования Литва и ее люди успели необычайно проявить себя в культурной и экономической жизни, тогда как при царском режиме это была жалкая провинция; она должна была в подполье вести борьбу за право печатать и учиться на литовском языке.

Даже большевики, оккупировав Литву, нашли, что Литва — маленькая Америка. "Литовско-советское общество культурной связи" устроило в Москве выставку литовской книги. В Москве не хотели верить, что в течение 19 лет можно было издать столько книг в Литве.

Не меньшего, если не большего, расцвета достигли Латвия и Эстония за свое короткое существование. Накануне Второй мировой войны в одном польском журнале удалось прочесть интересную статью, чего именно достигла каждая из трех Прибалтийских республик за 20 лет независимости. Достигнуто было много.

Если невозможно иметь всего, что хотим, — пусть хоть частично будет кому-то лучше. Творческой интеллигенции и народным массам легче живется в своих национальных единицах, чем под опекой великих держав. Как дочь малого народа, утверждаю, что без опеки великих держав малым народам легче дышется.

Мне всегда вспоминается Малатеста, что мы против войны, но если война неизбежна, — мы на стороне того народа, который борется за свободу и независимость. Как бы мы ни желали, но мы не можем так сделать, чтобы сегодня же перестали существовать границы, визы, паспорта. Абсурднее, чем паспорта и визы, ничего быть не может. Однако не безызвестному Сергею Левицкому все же легче было бы жить, если бы он имел паспорт и визу. Из двух зол выберем меньшее.

Да, "родина человека — весь мир." Так и должно быть и к этому мы должны стремиться. Но пока этого нет, каждый народ должен иметь свою национальную крышу над головой. В "ДТП" была статья, что Израиль создан по необходимости на крови и на страданиях еврейского народа. Это так. В Израиле далеко до идеала, но только в Израиле идейные товарищи перестали чувствовать себя евреями, а почувствовали полноценными людьми.

Почему так жертвенно работают, чтобы зацвели камни и пески? Почему жертвенно защищают свою страну? Отвечают: нас отовсюду гонят, нам некуда идти, даже ассимиляция не спасает евреев. Есть и другая часть еврейского народа, которая настойчиво и упорно ищет свободной безгосударственной территории для многострадально-

го еврейского народа. В Израиле еврею не сладко живется, но все же лучше, чем на чужбине: здесь никто ему не тычет "еврейством."

Скажите, т. Колокольцев, разве Вы никогда не тоскуете по стране, в которой родились, выросли и жили? Разве Вы не хотите слышать русскую речь?

Не согласна с тем, что есть только общечеловеческая культура. Язык, музыка, искусство каждого народа — разные. Искусство и музыка Китая, России, Германии, Франции — значительно разнятся друг от друга. Это-то хорошо и дорого нам. Пусть будет больше разнообразия и красоты, но поменьше творческой однотонности.

А. Шимайте

Live Oak Farm, Inc.

(ФАРМА ВО ФЛОРИДЕ)

Было время, когда во Флориду ездили только богачи да политические дельцы, а для их обсуживания — сезонные рабочие отелей, ресторанов, игорных домов, клубов и других злачных мест, где праздная публика развлекается в мягком субтропическом климате прекрасной Флориды. Теперь же во Флориду едут не только богачи, но и рабочие-туристы. Поезда и автобусы, идущие во Флориду, переполнены туристами зимой и летом. Одни едут провести кратковременный отпуск и отдохнуть на лоне природы солнечной Флориды, а другие с целью облюбовать для себя место ,обзавестись собственным домиком и навсегда переселиться в благодатную Флориду. Поэтому, вследствие наплыва с севера большого числа туристов, — во Флориде продолжается усиленное строительство.

Тяга во Флориду совсем не удивительна, ибо человеку свойственно стремиться туда, где лучше. Однако рабочему с маленькими средствами очень трудно обосноваться во Флориде. Учитывая это, группа русских мечтателей приобрела, два года назад, большой участок земли в центральной Флориде, дабы общими силами преодолеть финансовые трудности и устроить русский поселок и общежитие для престарелых и недомогающих людей, уходящих на пенсию, которые могли бы жить в дружной товарищеской атмосфере полной жизнью, скрашеной теплом и солнцем.

Купленый участок земли, расположенный между двумя большими озерами — Окахумка и Дитон, где рыбная ловля не ограничена, — называется "Лайв Оак Фарм," через которую проходит большая автострада № 44, соединяющая ближайшие к фарме два города: Лисбург и Вайлдвуд. На фарме имеются отдельные комнаты для одиноких и три дома для семейных. Всюду имеется электрическое освещение, отопление, водопроводы с холодной и горячей водой. В домах и комнатах городское благоустройство: ванны, души и прочие удобства. Земля плодородна, выращиваются арбузы, разносортные дыни и прочие овощи. Заведена апельсиновая роща, дающая уже плоды.

Уже два раза я был на "Лайв Оак Фарме," откуда мне совсем не хотелось возвращаться в Нью Иорк. Живя на фарме "Лайв Оак," я чувствовал, что изо дня в день становлюсь бодрее: покидает вялость, которую испытываешь в большом городе; нет пыли и ядовитых газов, отравляющих здоровье; не надо здесь подыматься по несколько раз в день на четвертый или пятый этах этих мрачных домов большого города. Здесь вы отдыхаете в чистой комнате с открытыми окнами; утром вы встаете бодры с желанием делать что-нибудь. На фарме же "делать что-нибудь" всегда найдется. Я уверен, что и другие, побывав во Флориде на фарме "Лайв Оак," испытают те же чувства и желание — поселиться в тиши, где ежедневно радуешься горячему солнцу и яркому свету, располагающих к созерцанию и творчеству.

Фарма "Лайв Оак" приобретена для того, чтобы на ней поселились люди, как пожилые, уходящие на пенсию, так и молодые, желающие жить обществом, без эксплуатации и стремления к наживе. Наша цель устроить русский поселок и общежитие, создать приятные условия жизни и полезной деятельности для членов кооператива и гостей, а также удешевить, насколько это возможно, прожиточный минимум в цветущей Флориде. На основе взаимной помощи слагается и крепнет общежитие. Мы зовем всех друзей и товарищей и говорим:

—Добро пожаловать! *И. Данилюк*

Когда Сократа спросили, откуда он родом, он сказал, что он гражданин всего мира; он считал себя жителем и гражданином всей вселенной. — *Цицерон.*

***

Странное дело! Во все времена негодяи старались маскировать свои гнусные поступки преданностью интересам религии, морали и патриотизма. — *Г. Гейне.*

35-ЛЕТИЕ РУССКОГО КООПЕРАТИВА В ДЕТРОЙТЕ

Прошло уже более 35 лет с тех пор, как 1 июля 1919 года в г. Детройте было основано русскими рабочими Интернациональное Кооперативное Общество, главной целью которого было организовать правильное питание для своих членов. Вопрос о питании составлял тогда важную проблему дня, требующую немедленного разрешения.

Чтобы понять создавшееся положение, надо вспомнить, что в то далекое время русские колонисты представляли собою зеленую молодежь, прибывшую в большинстве из деревень и живщую тем, что она привезла с собой в Америку, и тем, что происходило на родине. Они были обособлены, как обособлены в Америке и другие национальные группы иммигрантов: итальянцы, испанцы, евреи и т. д.

Как и во многих других городах, так и в Детройте русские работали на заводах и фабриках, жили в меблированных комнатах и питались в дешевых американских обжорках, где пища была дряная и совсем не по вкусу для русских. Таким образом насущная необходимость вызвала к жизни Интернациональное Кооперативное Общество, которое прошло длинный путь своего развития.

За 35 лет Интернациональное Кооперативное Общество не только окрепло и процветает, но и значительно расширилось. Как и в начале, оно продолжает вести ресторанное дело, которое хорошо изучили передовые работники Кооператива и ведут его с должным успехом. Работают в ресторане на три смены 22 человека, обслуживающих многочисленных клиентов, которые получают всегда свежую, питательную, здоровую пищу по весьма умеренным ценам. Этим-то и славится русский кооперативный ресторан, который продолжает оставаться средоточием и центром русской колонии Детройта. Валовой оборот ресторана превышает 165 тысяч долларов в год.

В августе 1945 года члены Интернац. Кооперативного Общества купили вблизи Детройта большую фарму почти в 300 акров за 70,000 долларов и ведет на ней смешанное хозяйство; преобладающая отрасль — молочное дело, свиноводство, птицеводство и огородничество. В прошлом году Общество приобрело другую фарму в 80 акров, с большим барским домом, за 30,000 д., где планирует устроить дом для престарелых своих членов. Фармерское хозяйство пока что находится в стадии развития, как это было с начала и в ресторанном деле: накопляется опыт и практика, которые становятся впоследствии лучшими учителями.

Интернациональное Кооперативное Общество, сумевшее отстоять, развить и укрепить свое кооперативное дело, отпраздновало 22 августа 1954 года свой 35-летний юбилей устройством банкета на своей же, весьма благоустроенной, кооперативной фарме, где имеются, кроме жилых домов и служебных построек, отдельная столовая с кухней, небольшой танцевальный зал и несколько отдельных кабин со всеми городскими удобствами. Все эти постройки расположены на живописном южном берегу большого озера Шемонг с хорошо оборудованным пляжем и купальной площадкой. Местность чудесная. Сюда-то и съехалось 22 августа много гостей на праздник кооперации.

Банкет прошел в торжественной обстановке. Был сервирован обед. С речами выступали заслуженные общественные деятели и старые работники кооперативного движения. Руководил торжеством председатель Интернационального Кооперативного Общества — *С. П. Павлов,* обрисовавший в кратком вступительном слове 35-летнюю деятельность кооператива. Выступали также с краткими речами активные работники Кооперативного Общества: *К. Полейко, С. Смирнов, Н. Басенков, А. Шаврук, И. Гилевский,* и другие. В своих речах они отметили те или иные эпизоды из многолетней практической деятельности русского кооператива, который прошел через многие испытания.

Затем выступали с приветствиями представители дружественных русских организаций Детройта: от Русско-Американского Гражданского Клуба — *П. Шаров,* от Русского Народного Дома — *С. Омель,* от 72 отдела РООВА — *Н. Олейник,* от 14 отдела РНзОВ — *С. Дмитрук* и от Русского Балалаечного оркестра — *М. Громиков.*

Успеху торжества много способствовали женщины-кооператорши. После банкета начались танцы. Гости веселились и резвились: одни танцевали, другие катались на лодках, третьи купались, плавали, состязались в играх. В общем праздник кооперации оставил у всех его участников самое приятное впечатление.

Гость

Письмо Товарищу

Я много думаю о Вас,
О том, что было и что стало,
Что разделяет ныне нас,
Чего осталось очень мало.

А, помню, были времена:
Бурлили в письмах Вы, кипели
И сеять всюду семена
Свободы—Равенства хотели.

Вопросов сложных, всяких дел
Вы находили и рождали
И невозможен был предел
Для мысли, слов и светлой дали.

А сверх всего, как древний миф,
"Она" и "он" — переплетались
И мнился образ Суламифь,
И тени мрачные качались.

...Но вот случился перелом:
Свободы день на ночь сменился,
Гремит порой фашизма гром
И яд реакции разлился.

Повылезла из тьмы на свет
Вся стая алчных и подкупных,
Стал доблестью любой навет
Для всех доносчиков преступных.

Настала мутная пора:
Свободы слов не сыщешь в лупу,
Лишь льется лесть из-под пера
Да лезет всяк в свою скорлупу.

И грустно божий свет глядит:
Нет проблесков, нет светлой дали,
Тьма тьму без устали плодит...
Душа полна седой печали.

И мозг горит от мрачных дум:
Ужели — в прошлом все просветы?..
Как может просвещенный ум
Забыть прекрасного заветы?

Забыть и погрузиться в мрак,
В болото пошлого мещанства
На сотню лет лезть вспять, как рак,
И околеть в маразме пьянства...

О, нет! Нет, этому не быть!!!
Как воздух, — всем нужна свобода!
Ее не истребить, не скрыть,
И без нее мертва природа.

Лишь вместе с ней прекрасен мир,
Лишь с нею песни вольно льются,
Лишь с ней возможен братский пир,
Лишь с нею радостно смеются.

Но нет свободы без борьбы:
Свобода даром не дается.
Чтоб стать хозяином судьбы,
Свободу защищать придется.

Нам пессимизм не по плечу,
Нам стыдно прятаться за юбку:
Где нужно место дать мечу,
Там не раскуривают трубку.

***

Я много думаю о Вас,
О том, что было и что стало,
Что разделяет ныне нас,
Чего осталось очень мало.

А. Г. ГРОММ

Исторический Отдел

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ЛЕКЦИИ

(Перевод с английского Л. Л.)

Я хочу рассказать здесь про один, далеко не исключительный случай, бросающий яркий свет на большевистские проделки в стране государственного коммунизма. В то время, о котором я говорю — конец 1918 года, — подобные случаи часто повторялись в советской России, но с укреплением большевистской власти они становились все реже и реже.

В ноябре 1918 г. я приехал в Курск делегатом на анархическую конференцию. В те дни такая конференция была еще возможна, благодаря исключительным условиям в этом районе, боровшемся против реакции и немецкой оккупации. Здесь большевики терпели анархистов, стараясь использовать их, но в то же время зорко следили за ними. Со времени революции курские рабочие никогда не слышали лекции об анархизме. Пользуясь моим приездом, местная группа товарищей предложила мне прочесть лекцию на эту тему. Я с радостью согласился.

За разрешением на устройство анархической лекции пришлось обратиться к председателю местного большевистского комитета Рындичу. Последний охотно согласился и выдал нам письменное разрешение. После трудных поисков мы нашли большое помещение, отпечатали и распространили по городу афиши. Все было готово к назначенной на 15 декабря лекции и мы заранее предвидели успех. (В центральной России большевистская власть не разрешила публичных лекций об анархизме.)

Но за два дня до назначенной лекции ко мне является секретарь группы, озабоченный и возмущенный. Он только что получил уведомление от Рындича, что в виду предстоящих Рождественских праздников наша лекция не может состояться и что помещение снимается большевиками для концерта и танцев. Я поспешил за разъяснением к Рындичу, и между нами произошел бурный разговор.

— Что это значит? — заметил я. — Вы, коммунист, не считаетесь с выданным вами разрешением на устройство лекции? Мы получили разрешение раньше задуманного вами концерта. Вы устроите свое предприятие после лекции.

— Нет, — товарищ, — возразил Рындич. — Так постановлено и бесполезно спорить и настаивать. Ваша лекция не состоится в нашем помещении. Найдите другое помещение и назначьте лекцию на другой вечер. Вот и всё.

— Но это невозможно, — продолжал я настаивать. — В вашем городе нет других больших помещений, а остальные все заняты устройством разных предприятий. Кроме того, я не могу долго оставаться в Курске. Я должен уехать на другой же день после лекции. Все готово. Ожидается много людей. Что вы ответите им?

— Не беспокойтесь, — сказал Рындич. — Мы справимся с ними.

На этом мы расстались. Я посоветовался с товарищами и мы решили отложить лекцию на 5 января, о чем сообщили Рындичу. Мы предчувствовали скандал, хотя и не знали, что именно большевики ответят пришедшей на лекцию публике.

В день назначенной лекции я все время находился в гостиннице в ожидании новых сообщений. Вдруг, рано вечером, я был вызван к телефону. Слышу взволнованный голос секретаря нашей группы. "Товарищ Волин! Помещение занято большой публикой, не желающей слушать Рындича и требующей лекцию. Приезжайте немедленно." Я так и сделал. Приближаясь к помещению, я ясно слышал возгласы и крики публики: "Довольно кормили нас концертами! Мы хотим лекцию! Лекцию!"

— Вы хорошо сделали, что приехали, — встревоженно сказал Рындич, завидя меня. — Видите, что происходит. Это ваша вина.

— Нет, — возразил я, — вы ответственны. Вы помешали нам в устройстве лекции. Найдите теперь выход. Самое лучшее будет — разрешить лекцию.

— Нет, нет, ваша лекция не состоится. Вы объясните публике создавшееся положение и попросите ее спокойно оставить помещение. В противном случае придется употребить силу.

Я был уверен, что лекция уже не состоится, ибо большевики решили во что бы то ни стало сорвать ее. В этот момент Рындич еще раз пробовал обратиться к публике, но его не хотели слушать. Возбужденный, он обратился ко мне, говоря: "Вы успокойте публику и говорите к ней. Вас она выслушает."

Я согласился и, обращаясь к собранию, сказал приблизительно следующее:

"Товарищи! Ответственность за все происходящее здесь всецело падает на местный большевистский комитет. Мы сняли помещение для лекции за две недели раньше этого комитета. Два дня тому назад большевики без всяких объяснений заявили нам, что они сняли помещение для концерта. Это заставило нас отложить лекцию на другой вечер. Но я согласен сейчас приступить к ней. Вы, поэтому, решайте: иметь лекцию теперь или отложить ее до 5 января."

Гром аплодисментов и крики: "Лекцию теперь!" были ответом публики на мои слова.

Собравшиеся двинулись вперед, раскрыли все проходные двери и спокойно уселись. Рындич стоял в углу, как вкопанный, упорно глядя на публиук. Вдруг он вскочил на трибуну и громко сказал, обращаясь к собранию: "Граждане! Товарищи! Я должен заявить, что наш комитет заседает сейчас в соседней комнате и решает вопрос о лекции. Я немедленно сообщу вам решение. Возможно, что наш концерт не состоится."

— Ура! Да здравствует лекция! — восторженно крикнула публика.

В это время большевистский комитет при закрытых дверях действительно решал вопрос: разрешить или запретить лекцию. Публика спокойно и терпеливо ждала. Так прошло минут десять. Вдруг, с шумом и топтанием ног, в помещение двинулся вооруженный отряд чекистов. Все как бы замерли. Часть чекистов заняла проходные двери, другая — рассместилась вдоль стен и еще одна часть, с револьверами в руках, заняла главный вход. (Впоследствии выяснилось, что большевистский комитет, решив запретить лекцию и предчувствуя брожение собравшейся публики, обратился за помощью в городские казармы, но солдаты, требуя разъяснений, воспротивились приказу начальства — в то время это было еще возможно. Тогда только встревоженные большевики немедленно вызвали послушных и готовых на всякие злодеяния и мерзости чекистов.) Вслед за чекистами в помещение вошли члены комитета. В этот момент Рындич с трибуны громким голосом заявил: "Решение комитета сделано: наш концерт не состоится, но и ваша лекция тоже не состоится — слишком поздно... Прошу публику спокойно оставить помещение."

Недовольная и разгневанная, публика стала медленно расходиться. Кто-то громко заметил: "Все равно их концерт нарушен. Это не плохо..." А на улице — новый сюрприз: у главного выхода чекисты обыскивали каждого проходящего. Несколько человек было арестовано, двух-трех освободили на следующий день, а остальные продолжали сидеть в тюрьме.

Я возвратился в гостинницу. На другой день, утром, меня спешно вызывают к телефону. Слышу голос Рындича: "Товарищ Волин! Приезжайте ко мне в контору. Я хочу переговорить с вами о вашей лекции."

— Но лекция отложена, — заметил я. — Неужели вы против этого?

— Нет. Только явитесь немедленно в контору. Вы нужны нам лично.

В конторе я встретил уже не Рындича, а его заместителя. Завидя меня, он сказал: "Я должен заявить вам, что наш комитет решил запретить вашу лекцию, назначенную на 5 января. Вы сами ответственны за такое решение. Ваше отношение к нам плохое. Вы не можете долго оставаться в Курске. Пока вы будете здесь, в конторе."

— Значит, я арестован?

— Нет, вы не арестованы, но мы задержим вас до отхода поезда в Москву.

—В Москву?! — удивленно воскликнул я. — Но я должен ехать в Харковь. Там ждут меня друзья и работа.

— Ладно, — ответил он. — Вы поедете в Харьков. Но поезд отходит туда поздно вечером и вам придется ждать здесь целый день.

— Тогда я отправлюсь в гостинницу за чемоданом и скоро возвращусь.

— Нет, я не могу отпустить вас. Дело может принять плохой оборот. Мы уже послали человека за вашим чемоданом и все окончится благополучно.

Вооруженный чекист все время стоял в дверях конторы и неотступно следил за мной. Поздно вечером я получил свой чемодан и в сопровождении того же чекиста отправился на вокзал и с последним поездом уехал в Харьков.

Все эти досадные приключения так плохо повлияли на мое и без того слабое здоровье, что я заболел в пути и лишь благодаря хорошему присмотру некоторых товарищей был в состоянии через несколько дней приняться за работу. И моим первым делом по прибытии в Харьков было то, что я написал для местного анархического еженедельника "Набат" (через некоторое время приостановленного большевистским правительством в виду его популярности среди рабочих) статью "История одной лекции в стране диктатуры пролетариата," в которой подробно изложил причины несостоявшейся лекции.

Волин

Библиография

"В ВИХРЕ РЕВОЛЮЦИИ"

Дорогой А. Ш., я получил от вас книгу Е. З. Долинина-Моравского. Большое вам спасибо. Книга безуперечна, технически — хорошая работа и хорошая бумага. Главная суть книги — содержание. С жадностью набрасываюсь на ее страницы, читаю. Суховатый стиль, но мысль поразительно ясна и метка. Ухожу с ним в глубокую старину, беседуем с выдающимися того времени людьми, все они ищут истины упорно и настойчиво. Пути их разные, одни думают, что истина дается достойным свыше, другие утверждают, что истина присуща каждому человеку, но ее нужно отыскать в самом себе; для этого нужна настойчивая борьба с самим собою.

"О достоинстве человека." Фихте при всей своей безграничной любви к окружающему, все же любил больше всего человека, ибо человек является тем существом, в котором обитает Великий Разум, бессмертный божественный дух, произносящий священное слово: "Я есмь." Оскар Уайлд. Моравский был горячим поклонником Уайлда, безмерно любил его рыцарский дух свободы, поэтому в своих писаниях он всегда о нем упоминает.

Генрих Манн: Да, свобода есть — равенство. Неравенство делает несвободным даже того, кому оно на пользу. Тот, кто применяет силу, является ее рабом не в меньшей степени, чем тот, к кому она применяется. Тиран (а тираном может быть каждый!) страдает под гнетом людей не меньше, чем они под его гнетом; унижая людей, он унижает в них самого себя. Его может спасти лишь бегство в гущу человечества. Пусть же он спасается, хотя бы рискуя погибнуть, ибо свобода есть воля к тому, что сознано, как добро, хотя бы и зло являлось спасительной силой. Свобода это любовь к жизни, включая в нее и смерть. Свобода — это абсолютный человек.

Генрих Манн является патриотом своей страны, он любит свой народ, но он не собирается винить других людей за бедствие его народа, а пробует отыскать причины этого бедствия. Он любит свой народ, но он же любит человечество больше.

Большевистское нашествие на нашу родину Россию, кажется, никто так ясно не понял и не видел трагического последствия этого нашествия, как все это видел Моравский. Поэтому он вел с большевиками отчаянную, беспощадную борьбу. Стоит просмотреть в этой книге его статьи об этих мракобесах, которые по теории К. Маркса пробуют превратить гордое и самое ценное человеческое "Я" в жалкий винтик государственной машины. Читая его книгу и думая о прошлом, грусть охватывает меня. Я чувствую его уход от нас теперь более остро, нежели в то время, когда умер Моравский.

Воззрения Е. З. весьма характерны: он не призывает нас бить, громить, разорять или хвастливо кричать на всех перекрестках — "я пролетарий!" — Нет, — говорит он, — это не конечная цель человека. Человек должен стремиться к лучшему, к общему довольству. Все люди равны. Нельзя обоготворять пролитария и возводить хулу на аристократа. Ибо надо стремиться не к бедности и нищете, а к довольству и счастью всех. Следовательно, нужно стремиться к совершенству, искать свое "Я," смотреть на человека, как на такового, а не на его одежду. Материальная сторона жизни это не все. Нужно подняться выше этого, нужно стать рыцарем духа и только тогда будет гармония в жизни людей. Вообщем книга Евгения Захаровича замечательна по содержанию и духовной красоте, а поэтому каждый мыслящий человек не должен пропустить редкого случая познакомиться с ней.

Феникс, Аризона **К. Ф. Кожин**

**
*

Благодарю Вас за присылку книги "В вихре революции." Появление книги мало известного автора, великолепно изданной группой неимущих, но энергичных и благодарных рабочих, большое событие. Эта книга — великолепный венок поэту, не считая посвященного ему стихотворения М. Стоцкого, из которого приведу только четыре строки:

"В чужой стране, в чужих пирах,
Так все мы — временные гости...
Чужой земли безмолвный прах
И упокоит наши кости."

Мне очень трудно давать отзывы о книгах, ибо я сам не в состоянии их читать, но тем не менее продолжаю это письмо маленькой рецензией. В книге Е. З. Долинина-Моравского, в которой собраны его произведения в стихах и прозе, меня особенно заинтересовал второй отдел со статьями и фельетонами. Очень рекомендую читателям несколько статей о великом социальном реформаторе П. А. Кропоткине. Ему посвящено также два стихотворения. Имя Кропоткина настолько известно в Европе и Америке, что в краткой рецензии нет нужды излагать эти статьи. Обращаем внимание читателей на статьи: "Толстой как анархист," "Генрик Ибсен," "Мечтания Уэллса" и "Невежество и кризис."

Социальное и религиозное учение Л. Н. Толстого излагается в статьях Долинина в весьма подробном виде и если Л. Н. Толстого можно назвать анархистом, то только христианским анархистом, ибо его учение основанно на Евангелие. Вопреки распространенному мнению, что Евангелие не применимо в современной жизни, укажем на пример ученика Толстого — индусского реформатора Ганди, который не пропагандой насильственной революции, а бойкотом, т. е. непротивлением злу насилием, добился освобождения Индии от английского владычества. Важно также указание, что Толстой был противником марксизма и предвидел страшную революцию.

Другая статья, посвященная Ибсену, в значительной мере повторяет части обширной статьи Георгия Чулкова "Анархические идеи в драмах Ибсена," напечатанной в России еще при царском правительстве.

Что касается Герберта Уэллса, то его критика современного капитализма не отличается оригинальностью, а предвидения будущего слишком отдалены. Заметим, что этот самый знаменитый английский романист посетил в начале большевизма Ленина в Петербурге, но тем не менее не рекомендовал проделать то же самое в других странах.

В статье "Невежество и кризис" излагаются идеи американского проф. Брауна, который утверждает, что кризис в Америке произошел от невежества американцев в области экономики и финансов и рекомендует преподавание экономических наук не только в университетах, но и в начальных школах, как это уже имеет место в Бруклайн.

Париж, Франция. **Проф. В. Ф. Тотомианц**

ВЕСТИ ИЗ ИЗРАИЛЯ

В книге Долинина-Моравского "В вихре революции" не искала недостатков, противоречий, некрасивых выпадков, а достоинств и светлых сторон. К счастью, они преобладают. Умел он писать интересно и увлекательно. Чувствуется большая начитанность автора. Он знаком с индусской мудростью и греческой гениальностью. Знаком с мировой литературой, искусством, музыкой. Во всем этом он ищет начала анархизма. У автора необычайная любовь к анархизму. Признавая, что анархизм — философия и наука, он в то же время подчеркивает, что анархизм для него не только учение, но и **"внутренняя необходимость."** Так и должно быть. Замечательно, что он отметил стихийность анархизма у писателей, художников и народных масс. Все они, если не сознательно, то подсознательно стремятся к анархизму.

Три статьи о Кропоткине заслуживают особого внимания, а также статьи о Карелине и Карпократе. В них так много красоты и душевной тонкости. В восторге от статьи "Монархический Социализм." Она больше и лучше мне дала понять "Закат Европы" Шпенглера.

**
*

В № 45 "ДТП," интересном и содержительном, больше всего мне понравилась статья Колокольцева "Два Михаила" — блестящая, смелая в сопоставлениях. "Чаплин и сталинские премии мира" была для меня большой новинкой. Она очень верна в своих предположениях. В № 286 "Либертэр" от 26-Х-51 была напечатана **декларация Чаплина "Я — Анархист,"** которую он дал журналисту Поль Холду ("Дэйли Хералд" 25-9-51). Поль Холд пишет о Чаплине: "Я его спросил, не был ли он коммунистом, ибо возможно, что это одна из причин ненависти некоторых лиц к нему. Он ответил: **"Коммунист?! Я только артист! Это заслуживает значительно большего внимания. Я не могу преодолеть и понять Карла Маркса, как же я могу быть коммунистом? Я полагаю, что я — анархист. Я желаю, чтобы все правительства пошли к черту и оставили людей в покое! Люди могут обходиться без государства. Я лично в нем не нуждаюсь."**

**
*

Читаю местную ежедневную польскую газету "Израильские Новости." В № 116 от 21-9-54 напечатана большая статья Е. Вейселя "Человек с ангельской душой на острое Дьявола." Это о старом французском анархисте Александре Жакоб. Начал он свою деятельность в 1897 году — во время расцвета анархизма во Франции. Печатались произведения Кропоткина и других. Шла ожесточенная борьба между полицией и разными анархическими группами. Много анархистов было в типографиях. Александр тоже работал в типографии и у него тоже полиция произвела 20 раз обыски и допросы. В конце концов полиция сделала его анархистом. Тогда ему было 18 лет. Став анархистом, он поверил, что сможет преобразить мир.

Александр родился в Марсели в богатой семье. Когда ему было 10 лет, родители отдали его на 5 лет на работу на торговом корабле. Он много путешествовал, много видел, много выстрадал. После возвращения домой стал работать в типографии, был всеми любим и всем оказывал услуги. Он организовал группу "Ночные Работники" с целью ликвидации общественного строя во всех его проявлениях. Он пошел дорогами Робин Гуда, т. е. героев, любимых народными массами. Его группа легендарно работала в течение 7 лет — крала у богачей и делила добычу между бедными. Эта группа руководилась тремя принципами: 1) красть только у богатых, 2) не убивать никого, за исключением... собак, остающихся на службе строю, 3) делить добычу между бедными. Этим принципам Александр остался верен до конца жизни. Никогда ничего не украл ни у работника, ни у людей пера, только у купцов и аристократов.

Когда группа узнала, что попала на квартиру Пьера Лоти, то все вещи оставила на месте со следующей запиской: "Не воруем у писателей, даже если они богаты, по той причине, что они разбогатели своим собственным трудом, а не чужим." В течении 7 лет полиция была бессильна схватить Александра и его группу, только 7 марта 1905 г. ей удалось это. К обвинительному акту было приложено 20,000 документов. На скамье подсудимых 22 человека. Атмосфера была наэлектризирована.

На суде Александр заявил, что он не дает никому права судить себя. Не просит ни сострадания, ни милости: "Не прошу ничего у людей, которых ненавижу и презираю. Поймите только одно: желал красть у других, чем позволить другим, чтобы меня обкрадывали... Борьба между людьми кончится лишь тогда, когда все объединятся в радости и страдании, в работе и в счастье, когда всё будет принадлежить всем..." Прокурор требовал смертной казни, но судьи приняли во внимание общественное мнение и приговорили его на пожизненное заключение. 11 ноября 1905 года Александр был выслан вместе с другими 400 человек на остров Дьявола. Там он провел 23 года и в течение этого времени 18 раз он пытался бежать, но всякий раз был пойман.

В 1925 году один парижский журналист проявил особый интерес к этому идеалисту. Появилась о нем серия статей. Тысячи просили помиловать Александра. В этом же году Эррио его помиловал, и с острова он был переведен в Парижскую Центральную тюрьму, в которой пробыл еще три года. В 1928 г. он вышел из тюрьмы седовласым стариком. В Париже на воле занялся торговлей и вместо оказания помощи всему человечеству — помогал отдельным людям. Об Александре позабыли. Волк ушел в лес. Только несколько дней назад его имя появилось на страницах газет: он покончил самоубийством. Старый анархист отравил себя и свою верную собаку.

Как бы ни отнеслись к Александру Жакобу, несомненно, что этот наш современник своим чистым сердцем и отвагой сделал из своей жизни легенду, такую близкую, дорогую и понятную народу.

**
*

Люди в Израиле замечательны, таких в массе, кажется, нигде больше не найти. Жара дает себя чувствовать, она иссушает и парализует мозг, истощает физически и душевно, приводит почти в отчаяние. Трудно работать и умственно. В этом году сильная жара началась в конце апреля. Моисею надо было вывести свой народ, если не в Италию, то хоть во Францию. Права Библия, что здесь земля

поедает детей своих... Теперь жара начинает спадать.

***

Навестил меня Моше Эрлих из Яфы. Он прочел мне свой рассказ о том, как Эллеазар Гиршауге был конюхом в Сибирских шахтах. Рассказ напечатан на идыш. Этот эпизод из своей жизни рассказал ему покойный Гиршауге. Мне особенно понравилось то, что Гиршауге умел по-человечески обуздать и успокоить дикую лошадь без какого-либо насилия. При насилии и лошадь отвечала насилием, как это было до Гиршауге. С большим увлечением Эрлих рассказал, что у покойного Гиршауге была большая воля к работе и он умел работать.

Много я встретила в моей жизни хороших, интересных и умных людей, но Гиршауге был какой-то особенный. Меня очень беспокоит судьба его жены Дины и двух детей-сирот. Детишки очень чудесные, знают иврит и идыш. Две недели Дина работала на фабрике электрических лампочек, а когда снова там будет работа — неизвестно. Там был, конечно, длинный рабочий день — с 7 ч. утра до 4:30 пополудни. Надо было вставать в 5:30 утра и спешить на работу, а по возвращении — домашняя работа и забота о детях. Дина крепится, она бедная женщина, но бодрая духом. Однако зима с непрерывными дождями страшит её... Да, живем мы в очень плохом мире, когда лучшим из людей так трудна и так мучительна жизнь... **А.Ш.**

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

ИОГАННЕСБУРГ, Южная Африка. — Многоуважаемый Редактор "Дела Труда"! Выражаю Вам мою сердечную благодарность за присылку мне Вашего журнала "Дело Труда-Пробуждение." Нас, русских, здесь лишь несколько человек. Живется нам скучно. Кроме Вашего журнала, русских газет ниоткуда не получаем. Ваш журнал помогает повышению нашего настроения. Все мы, здесь живущие, — старые революционеры, боровшиеся против царского режима и побывавшие в ссылке в Сибири, и хотя живется нам невесело, но мы рады, что спаслись от сталинских живодеров. Сам я уроженец Екатеринославщины, родом из Гуляй-Поле, где родился и Нестор Махно. Просим Вас прислать нам для чтения несколько русских книг.

Нам хотелось бы послать Вам хоть немного денег за Ваш журнал, но из нашей страны высылка денег за границу не разрешается. **Р. Би.**

СИДНИ, Австралия. — Дорогие друзья! Ваш ценный подарок — журнал "Дело Труда-Пробуждение" получил 8 июня. Так как со мной произошел несчастный случай, то насторение мое было плохое, подавленное. Но когда я начал читать ваш журнал, то он подбодрил меня. Моя бодрость тем более повысилась еще и потому, что я чувствовал себя в большом одиночестве.

В Австралии теперь — зима. Дуют холодные ветры. Почти каждый день выпадают дожди. Австралийская погода мне не нравится — слишком переменчива.

В г. Сидни имеется два русских клуба — монархический и большевистский, на одной и той же улице, один против другого.

Если все пойдет хорошо и по расписанию, то через пару месяцев буду в Европе. Повидимому, мой возраст уже не позволяет мне плавать, так как все время чувствую себя усталым. Желаю вам всем доброго здоровья и сил в вашем благородном труде на пользу страждущего человечества. Прилагаю 5 долларов в фонд журнала "ДТП." **Я. А. Кузьмин.**

ЮНГСТАУН, Охайо. — Ежегодно местные товарищи устраивают два пикника в пользу органов безвластного рабочего движения — в День Независимости (4 июля) и на "Лэйбор Дэй." От пикника, устроенного в День Труда, было выручено 95 д., которые распределили следующим образом: на поддержку итальянской газеты в Америке "Л'Адуната" — 20 д., испанской газеты "Культура Пролетария" — 20 д., журнала "Дело Труда-Пробуждение" — 20 д., лондонской газеты "Фридом" на английском языке — 10 д., на поддержку трех анархических органов печати в Италии — по 5 д. для каждого, в пользу политических заключенных — 10 д., итого — 95 д. Выручка от пикника ,устроенного в День Независимости, была распределена тем же образом. На долю журнала "ДТП" выпало 25 д. Обе суммы от устройства пикников были направлены в газету "Л'Адуната" для распределения. **Секретарь.**

От Редакции: Контора журнала "ДТП" вышеупомянутые 45 д. своевременно получила. От глубины сердца мы искренно благодарим Юнгстаунскую Интернациональную групп за поддержку.

БАЛТИМОРА, Мэрилэнд. — Уважаемые товарищи, посылаю в фонд журнала "ДТП" 20 д., которые пожертвовала Татьяна Савчук. Она просит прекратить посылку ей журнала, потому, что, достигнув преклонного возраста, зрение ее ослабело, читать журнал не может и считает бесполезными затраты на пересылку ей журнала. Пусть молодежь читает, развивается и укрепляется духом свободы. **П. Жук.**

МЭЙПЛВУД, Нью Джерзи. — Получил очередной номер журнала, который читаю с неослабеющим интересом. За этот экземпляр журнала "ДТП" посылаю два доллара. Жалею, что не могу помочь большой суммой. Когда получу следующий выпуск, пошлю еще. **Петр Бойко.**

МОНТРЕАЛ, Канада. — Дорогие товарищи! Благодарю вас за присылку журнала "Дело Труда-Пробуждение." На наше общее Дело Труда посылаю 5 д.: Ем. Бурданов — 2 д. и Г. Резанович 3 д. Наилучшие пожелания. **Г. Резанович.**

ЧИКАГО, Иллиной. — Денежным переводом посылаю 50 д. В фонд журнала "ДТП" пожертвовали: Т. Юскович — 30 д., Н. Новин — 5 д., И. Волков — 5 д. и Ю. Супрунюк — 2 д.; выручено от продажи журнала — 8 д., итого — 50 д. **И. Волков.**

НЬЮ ИОРК, Н. И. — Уваж. товарищи, ньюиоркская группа пожертвовала на издание журнала "ДТП" 100 долларов. **И. Д.**

Поступили в Редакцию

"НОВЫЙ ЖУРНАЛ" под редакцией М. М. Карповича, книга 38-ая. Художественная проза и стихи. Литература и Искусство. Воспоминания и документы. Политика и Культура. Библиография. В книге 304 страницы, цена 2 д. Адрес редакции:

"The New Review"
223 W. 105 St., New York 25, N. Y.

К группам, отдельным товарищам и сочувствующим

Уважаемые друзья!

Издание журнала "Дело Труда-Пробуждение" зависит всецело от Вас и Вашей помощи, благодаря которой журнал существует уже 30 лет, хотя он и переживал много затруднительных моментов.

Журнал "Дело Труда-Пробуждение" является единственным органом свободной мысли на русском языке. Цель журнала — будить мысль, чтобы человечество избавилось от ужасов постоянных войн, ведущих весь мир к одчаянию, опустошению и вырождению, и чтобы на земле восторжествовала свобода, равенство, справедливость, довольство для всех и братство народов.

В настоящее время мир разделен на два враждующих лагеря и находится на грани смертельной схватки двух систем — государственно-капиталистической на Востоке и частно-капиталистической на Западе. Руководители частного и государственного капитализма привели человечество на край пропасти и готовы в любой момент столкнуть его в бездну. Все честные, вдумчивые люди ищут выхода из западни, уготованной для всех трудящихся сильными мира сего по заранее разработанному плану массового истребления одних людей другими, вооруженными новейшими смертоносными орудиями.

Что может быть безобразнее и бессмысленнее, чем истребление человека человеком, которое стало в нашем ожесточенном, беснующемся мире обыденным явлением?!... Наша задача, наша общественная обязанность заключается в том, чтобы на страницах журнала "Дело Труда-Пробуждение" попрежнему указывать людям, что выход из "заколдованного круга," искусно созданного властолюбцами всех мастей и калибров, находится в избавлении от их назойливой опеки над народами, в избавлении трудящихся от порабощения и эксплуатации. Не в ожесточении и принуждении, а в добровольном соглашении, кооперации, в мире и согласии лежит путь к свободе и благосостоянию всех и каждого.

Мы обращаемся к вам, друзья, за помощью журналу "Дело Труда-Пробуждение." Помощь эта может выразиться в создании и укреплении групп на местах, в распространении журнала, в сборе средств среди симпатизирующих и в добровольных пожертвованиях.

С дружеским приветом **Редак. Коллегия**

Пожертвования направляйте по адресу журнала:

DIELO TROUDA-PROBUZHDENIE
P. O. Box 54, Cooper Station
New York 3, N. Y.

РОЗЫСК: Василий ГАЙСАНЮК разыскивает своего дядю ИВАНА ГАЙСАНЮКА, проживающего в Торонто, Канада. Лиц, знающих его адрес, или его самого просит откликнуться по адресу:

Sr. Basilio Haisaniuk
Avenida Eugenis Garzon 419
Montevideo. Uruguay

Финансовый Отчет

РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ "ДТП"
с 1-го июля по 1-е декабря 1954 г.

ПРИХОД

Поступило в фонд журнала	$399.00
Поступило за проданные номера	34.25
Поступило за книги	4.75
Итого	$438.00

РАСХОД

Издание и экспедиция	$364.69
Уплочено за помещение за 4 месяца	40.00
Уплочено за бумагу	1.28
Итого	$405.97
Остаток на 1 декабря	$ 32.03

"Вольная Жизнь"

Профсоюз г. Детройта извещает читателей журнала "Дело Труда-Пробуждение," что в ближайшем будущем (в январе 1955 года) выйдет в свет новая книга под названием — "ВОЛЬНАЯ ЖИЗНЬ." Автор книги — Аполлон Андреевич КАРЕЛИН.

В книге даны краткие биографические сведения о Карелине и освещена его личность и деятельность. Книга размером 5,5 х 8,5 дюймов будет иметь не менее 160 страниц и состоит из трех частей. Цена книги — 1 доллар.

Весь доход от продажи этой исключительно интересной и ценной книги А. А. Карелина предназначен в фонд журнала "Дело Труда-Пробуждение." Все заказы на книгу просим направлять по адресу журнала:

DIELO TROUDA-PROBUZHDENIE
P. O. Box 54, Cooper Station
New York 3, N. Y.

Помощь журналу

ДЕТРОЙТ, Мичиган. — Уважаемые товарищи, посылаем вам 156 д., из коих 20 д. 25 с. за проданные номера журнала, и 135 д. 75 с. в фонд "ДТП." Жертвовали: М. Волынский — 20 д., С. Евдостов — 10 д., Т. Шумович — 10 д., А. Яцук — 10 д., И. Черный — 10 д., Издательство "Друг" — 10 д., В. Торба — 5 д., К. Полейко — 5 д., А. Луцкевич — 5 д., К. Левчак — 5 д., Ф. Коваленко — 5 д., супруги Морозовы — 5 д., И. И. Д. — 3 д., И. Ф. — 3 д., А. М. — 2 д., К. К. — 2 д., Г. Т. — 2 д., Г. С. — 2 д., Д. Ш. — 2 д., И. Сивко — 2.50, М. Н., — 1.75, С. К. — 1.50; **по 1 д.:** П. Ш., М. З., Н. Л., А. Д., П. Д., В. А., Г. Я., Е. С., С. Ч., Р. Г., П. К., Д. К. и В. М., итого — 135.75.

Убедительно просим всех наших товарищей, где бы вы ни жили, пишите для журнала корреспонденции о вашей местной работе, о рабочем и анархическом движении, о том, как живут люди в вашей местности, что происходит на фабриках, заводах, шахтах, фармах и пр.

Мы выражаем нашу глубокую признательность и сердечную благодарность всем жертводавателям, а также М. Шорину и жене покойного нашего товарища Семена Лыцера за подаренные ценные книги для нашей библиотеки. Верим, что и другие товарищи последуют их примеру.

Профсоюз г. Детройта